

СМЕНА

11
1959

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Студенческий бал

В темпе вальса

Средка, ет у,
 улыбами актoвый зал, зна, ко, мы, е, лица вокруг... Се, год, лю, по,
 следий студенческой бал, а завтра прощание, мой друг. До сви, да, ны,
 наш институт. Не за, буд, ем мы з, тво, ю, м, н, ут. Ведь нигде, хоть, кто,
 ди целый свет, дружбы крепче студенческой нет,
 А завтра прощание, мой друг.
 (Для повторения) (Для оконченья)
 дружбы крепче студенческой нет. / денской нет.

Слова Эллы КАГАН

Музыка Георгия СТРУВЕ

Сверкает улыбами актoвый зал,
 Знаемые лица вокруг...
 Сегодня последний студенческий бал,
 А завтра прощание, мой друг.

П р и п е в:
 До свиданья, наш институт,
 Не забудем мы этих минут.
 Ведь нигде, хоть пройди целый свет, | 2
 Дружбы крепче студенческой нет. | раза

Зовут нас просторы великой страны,
 Вешими непонятных снегов,
 Заводы и стройки, поля целины,
 Моря и глухая тайга.

П р и п е в:
 Много трудностей впереди,
 Но по легкой тропе не мди,
 И какой бы ни выбрал ты путь,
 Институтских друзей не забудь. | 2
 | раза

Не всем суждено знаменитыми стать,
 Но это, друзья, не беда.
 Искать и бороться, творить и мечтать —
 Таной наш девиз навсегда.

П р и п е в:
 До свиданья, наш институт,
 Не забудем мы этих минут.
 Ведь нигде, хоть пройди целый свет, | 2
 Дружбы крепче студенческой нет. | раза

Фото Д. Шоломовича.

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

Литературно-художественный
 и общественно-политический журнал
 Центрального Комитета ВЛКСМ
 Июнь, № 11, 1959 год.

Год
 издания
 36-й

Одиннадцатый класс светит экзамены. Вместе со свидетельством о присвоении производственного разряда выпускники скоро получат аттестат зрелости.

ОДИННАДЦАТЫЙ ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ

Фотоочерк В. Саника.

Раннее утро... Через главную проходную во двор завода вливается людской поток. Рабочие идут торопливо, кряжка перебрасываясь короткими приветствиями. С заводских шоссе они сворачивают на узкие асфальтированные дорожки, уводящие в глубь огромного двора, к корпусам цехов.

Вместе с рабочими по цехам расходятся юноши и девушки из одиннадцатого производственного... На заводе их часто называют «самыми молодыми» рабочими. Но на самом деле они еще не во-

шли в большую заводскую семью. Завод, труд — это их завтрашние будни. А сегодня, шагая рядом с рабочими, они идут к станкам, механизмам, машинам, чтобы усвоить великую науку трудиться. И во взглядах их, спокойных, внимательных, угадывается теплое и доброе:

— Здравствуй, завод!

...Пожалуй, на всю жизнь запомнился тот день, теперь уже далекий, ставший в биографии ребят самой приметной вехой.

В тот день классный руководитель Георгий Петрович Лойко со-

общил своим питомцам, что их десятый класс будет производственным и что каждому из них предстоит хорошо подумать и самому решить свою дальнейшую судьбу... Он говорил о высоком призвании человека приносить пользу обществу, Родине, о радости созидательного труда, ни с чем не сравнимой рабочей гордости. Он говорил о людях, своими руками создающих все, что составляет наше богатство, весь необъятный мир самых нужных, очень полезных и красивых вещей.

— Подумайте, — повторил он. — Вам самим предстоит определить линию жизни. Подумайте и решите.

Они вышли из школы молчаливые, притихшие и даже немного расстроены. Ведь как-никак многие из них собирались поступать в институт, стать инженерами, учителями, конструкторами, геологами. А тут надо было решиться связать свою судьбу со станками, с цехом, с заводом.

В тот день, шагая из школы мимо завода, они по-новому взглянули на громады корпусов, на вы-

Сегодня у Юры Чиженко день практики, ученичества, а завтра он станет хозяином этого самого сложного в цехе станка.

сокие трубы с семью косами дыма, на длинные железнодорожные составы, груженные комбайнами, готовые к отправке в далекие хлебные края... Сотни раз видели они эти цехи, и трубы, и платформы. Но едва ли хоть раз приходила им в голову мысль, что гудок, зовущий на смену родных или знакомых, будет звать на работу и их, что жизнь ребят может слиться завтра с жизнью рабочего коллектива.

Да, тот день стал самой приметной вехой. С того дня начались трудные раздумья, жаркие

И вот сегодня они идут по заводскому двору, направляясь в цеха и на участки.

...В прессовом цехе заступает на смену Эдик Кошелев. Он включает токарный станок — и можно удивляться уверенности и точности движений этого юноши. Кажется, совсем недавно он снял со станка первую деталь — первую в жизни деталь, изготовленную своими руками! А сейчас... Если пареня еще и называют школьником, а не рабочим, то только потому, что в цех он приходит раз в день, как и весь одиннадцатый класс.

Скоро баскетболисты из одиннадцатого класса волеются в заводской коллектив спортсменов.

споры на переменах, экскурсии на завод, комсомольские собрания... А потом созрело решение: учиться в одиннадцатом производственном, готовить себя к трудовой жизни — самой богатой и славной жизни на земле.

Две девушки — Лода Щербанова и Лода Семинистая — взлетят в химическую лабораторию завода. Они работают в окружении бесчисленного множества приборов, пробирок, колб и банок с химикалиями, индикаторами, растворами... Обе Лоды уже не новички и выполняют самые сложные операции, отлично ориентируясь в формулах, реакциях, химических законах.

Юра Чиженко направляется в штамповочный цех. В глубине его, в самом конце пролета, за высокой застекленной перегородкой стоит координатно-расточный станок — массивный и сложный агрегат. На этом станке делают штампы. Не каждому, даже опытному рабочему, доверяют работу на координатно-расточном станке: при изготовлении штампа нужна величайшая точность, потому что губительна даже малейшая ошибка. Вот на этом станке и работает Юра Чиженко. Ему уже присвоили пятый разряд — наиболее высокий для одиннадцатиклассников. Впрочем, Алексей Павлович Шпорт, его сменищик, кадровик, закончивший недавно курсы мастеров, уверяет, что Юрий справляется и с заданием по шестому разряду.

— Как-никак, — смеется он, — у человека за плечами десятлетка. Это же такая база!

Почти во всех цехах на разных участках работает одиннадцатый производственный. День — в школе, в классе, день — на заводе, у станка, у приборов, автоматов. День — тригонометрия, литература, физика, день — искусство правильно заточить резец, обточить

Первая деталь!.. С каной гордостью показывает ее Эдик Кошелев своим новым товарищам — рабочим!

Лода Семинистая успешно овладела навыками работы с множеством приборов, химикалиями, индикаторами...

Нередко по вечерам одиннадцатиклассники собираются у Жени Мельниной — выпускницы их школы, поступившей на завод после окончания десятилетия.

деталь по высшему классу точности, быстро сделать верный анализ металла.

Знание основ науки соединяется с разносторонними трудовыми навыками. И это чудесное соединение в конечном итоге определяет духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство человека, определяет характер нового человека, строителя коммунистического общества.

Десятки юных таганрогцев, учеников одиннадцатого класса «А» школы № 28, связали свою судьбу с заводом, с трудом. Они не

жалуют об этом, нет. Они счастливы, потому что каждый из них нашел свое призвание, свое твердое место в жизни. Дорога, на которую они выходят, трудовая жизнь, в которую они вступают, полна больших надежд и трудных творческих поисков. А разве не в преодолении трудностей, не в муках творчества рождается наша романтика?

Здравствуй, завод! Здравствуй труд!

г. Таганрог, школа № 28 —
Завод сельскохозяйственных машин имени Сталина

Это стало традицией: после нарядного знамени — веселая прогулка к морю...

Борис СОКОЛОВ

Счастье

Я люблю, когда ветер рвет грозовые тучи на части. Вот минута — и небосвод, голубев, смеется от счастья. Солнце! Солнце! Играет оно на асфальте, на окнах — всюду.

возвращать это солнце людям. И, в листья тополей искрися, луч плетет золотые кольца... Хорошо, если в жизни хоть раз ты помог людям встретиться с солнцем!

Ветру после гроз суждено г. Саранск.

Артур КОРНЕЕВ

Душа цеховая

Я за кабиной, к ветру спиной... Только про кочки, про кочки зло тараторят между собой три цеховые бочки. Бочкам опора в качке лхой — сапог мой несомрушимый! Мечется в кузове автер тугой, все громыхает машина, вытряхнут душу мою норовит из цеховой оджи...

Эх, не страшно! Жми, грузовик! Душа — цеховая томе! Что там случится с ней, цеховой!.. Только про кочки, про кочки зло тараторят между собой три цеховые бочки.

г. Сталинград.

Алексей ОВСЯННИКОВ

Обновление

Между улиц, больших, раздольных, Ветих изб залегла грядя. Прямоком, без дорог окольных Трудно было пройти туда. Но однажды прошли бульдозеры, С ревом вырвали бульдозеры, гинил пласта. У поросшего тиной озера Белый корпус в песок врался.

Первый корпус! Теперь кварталами Разместились домов ряды. И ручьями, водами тальими Смыты прошлого все следы... Жаль, что в души жильцов Невозможно а вот так вестит, Чтоб от прошлых времен коррозия Одним махом навек смести!

г. Москва.

Григорий ЛЮШНИН

Формовщик

К лицу формовщика пыльца Пристала на работе. Ее с румяного лица Легко платком сотрете.

Пыльца осела на резце, На окнах, на барьерах... Но вот румянец на лице Не запальит ей, серой.

Но не стирает он ее, Пока не кончит смену. Сегодня срочное лице Выходит из мартена.

Румянец светится всегда, Когда начнешь трудиться. А что родится от труда, Вовек не запальится.

г. Москва.

Сергей ЛИСИЦИЙ

Будни

Люблю неспокойные Будни подмосковные, Да свет-зори дивные, Да работу жаркую За электросваркою, Споры, толки вольные Про дела футбольные,

Гордую и смелую Да на все умелую, До всего охочую Молодежь рабочую.

г. Кунцево, Московской обл.

Г. КОЛЕСНИКОВ

ОКОЛЬНЫМИ ПУТЯМИ

Рассказ

Даже для субботы Надежда Васильевна пришла домой очень рано.

— Клава! Бессовестная! Да ты, никак, еще с постели не вставала?

Клава лежит на кровати поверх одеяла. На ней заметный ситовый халатик. В комнате дует, сумеречно. Окно, как было с вечера задернуто занавеской, так и сейчас задернуто. На спинках стульев висят кофточки, чулки, резины. На столе чашка недопитого чая.

На вопрос матери Клава не ответила. Она читала увлекательную книгу, и ничто другое ее сейчас не интересовало.

Надежда Васильевна принялась за уборку. Она раздерила шторы, распахнула окно, убрала со стульев одежду.

— Клава, ты бы хоть чулки себе заштопала. Все пятны спускала.

— Погоди, мама, не мешай!

Мать достала деревянный гриб, иголку и живую заделала пробырки в Клавных чулках. Потом она вычистила обувь, вымыла посуду,

подмела полы. Дочь тем временем дочитала книгу.

Надежда Васильевна накрыла стол белой скатертью, достала тарелки, салфетки, вилки. Клава смотрела на все эти приготовления с некоторым удивлением.

— Или гостей ждешь, мамочка?

Надежда Васильевна засмеялась:

— Гость будет, Клава, гость.

Клава заметила, что мать сегодня какая-то суетливая, не то она рада чему-то, не то смущена чем-то, не поймешь.

— Не жених ли, мамочка, подвернулся?

— Тебе еще рано о женихах думать, голубушка! Сидишь, я тебя пришею.

Клава села к зеркалу. Надежда Васильевна долго расчесывала волосы дочери. Мягкими каштановыми волнами они расплывались по крепким плечам девушки. Потом мать и дочь одним тубчиком помады подкрасили губы, надурлили их одной пудреницы одной пуховкой и начали переодеваться. Надежда Василь-

евна надела гладкое черное платье из тяжелого шелка. Оно было любимым платьем Надежды Васильевны, потому что скрывало под собой ее уже несколько грузноватой фигуру. Клава надела белое платье с маленькими яркими цветочками, пышными рукавами.

Ровно в шесть пришел гость. Клава с любопытством посмотрела на вошедшего.

— Это дочка моя, Аркадий Антонович, — немного волнуясь, заговорила Надежда Васильевна. — Познакомься, Клава, мой товарищ по службе — Аркадий Антонович.

Клава небрежно сузила маленькую руку с оттопыренными пальцами и широко улыбнулась. Он внимательно посмотрел на Клаву и сказал:

— Очень приятно. Думаю, что с Клавой мы подружимся.

Надежда Васильевна пригласила гостя к столу. Выпили вина. Мать уверенно утешала и дочь и Аркадия Антоновича. Сама она много говорила, смеялась. Гость на вопросы отвечал немногословно, но вежливо и непредвзято.

Клава с интересом наблюдала за матерью. Надежда Васильевна рассказала, похорошела. «Аркадий Антонович будет для нас даже староват», — решила Клава. Седые виски гостя аккуратно зачесаны. Он тщательно выбрит, строен, молодой. Вот именно молодой, но уже не молодой. Клава долгим взглядом посмотрела на Аркадия Антоновича, а когда он ушел, серьезно, как взрослая женщина, спросила:

— Замуж, мама, выходишь?

— Не знаю, Клава, не знаю, ничего я не знаю.

— Ну, я знаю: выходишь!

А еще через неделю Аркадий Антонович переезжал свои вещи в дом Надежды Васильевны.

Аркадий Антонович оказался человеком деликатным. И все-таки с появлением в доме мужичиной жизни стала какой-то интимной, нестройной. Мать была до смешного счастлива и к дочери охладела. Клава делала вид, что ей это безразлично, но в душе ревновала мать. В отцы Аркадий Антонович не набивался. Он называл Клаву на «ты», девушка звала его на «ты» по имени-отчеству. В дела своей падчерицы Аркадий Антонович не вмешивался, но все его настоятельная деликатность говорила, что образ жизни Клавы он не одобряет. Однажды Клава случайно подслушала разговор матери с мужем:

— Ведь она же бездельнейшей растет. Тарелки после себя не вымоет, — возмущалась Аркадий Антонович.

Клава слушала, затая дыхание. Сердце ее учащенно билось.

— Нужно поговорить с ней, серьезно поговорить, — настойчиво повторил Аркадий Антонович.

— Ну поговори, разве я возражаю!

Голоса умолкли.

И Клава стала ждать этого разговора. Но Аркадий Антонович начал его не скоро. Однажды вечером, когда мать по обыкновению ушла в магазин, а Клава, лежа на диване, читала книгу, Аркадий Антонович спросил:

— Можно мне поговорить с вами, Клава?

Клава насторожилась.

— Пожалуйста! Если вам это нужно.

— Это вам нужно, Клава. Как вы думаете жить дальше?

Клава резко бросила книгу на стол.

— Я вам мешаю? Могу уйти.

Аркадий Антонович вздохнул.

— А куда бы вы ушли?

— Это не ваше дело!

Клава уткнулась лицом в подушку и заплакала. Аркадий Антонович растерялся. В это время в комнату вошла мать.

— Он меня гонит, я ему мешаю! — выкрикнула сквозь слезы Клава. — Кто ему дал право? Я вам не дочка. Не смейте мною командовать!

И Клава зарыдала еще громче, задняя часть подушки. Аркадий Антонович слезами. Мать села на диван, обняла Клаву, старалась успокоить ее, но так, серьезно дегая плечами, вырывалась из объятий Надежды Васильевны.

Такие сцены стали повторяться все чаще и чаще. Клава становилась все несноснее и капризней. Наконец мать не выдержала и робко заговорила:

— Клава! Я тебе, действительно худобнее будет взрост'. А может, действительно худобнее

— Гошны?!
Мать испугалась:

— Ну, что ты, доченька! Я же хочу, как лучше.

— Прекратим этот разговор, мне надоело, — резко сказала Клава.

Когда на другой день Надежда Васильевна и Аркадий Антонович вернулись с работы, они нашли на столе записку: «А вы меня, но и вы мне не нужны. Пожалуйста, не раскисайте меня».

Клава рыдала только на следующий день вечером в общежитии обувной фабрики, где в отдельной комнатке жила Тося, одна из Клавиных подруг. Вместе с Тосей они закончили десятилетку. И сколько ни пылали Надежда Васильевна и Клава, вернуться отказались. Тося устроила подругу на работу в свой цех. Клава считала, что настоящего дела ей не нашлось. Вся ее работа заключалась в том, чтобы вставлять корочку протерченной кожи в какую-то машину, которая пробила на коже дырочки и закрепляла на них металлические ободки.

За первый месяц девушка заработала очень мало, затожала подругам, и когда рассчиталась с долгами, то оказалось, что жить ей почти не на что. Дни через два после зарплата у нее так велика, что она не выдержала, молча села к столу и принялась за еду.

Перед уходом на работу Тося сказала: — Продукты у меня знаешь где? Бери, что тебе надо, и готовь. Пошла?

Клава молчала, — она слышала ответила Клава и вдруг, сорвавшись, заплакала: — Христа ради кормить меня собираешься. Я не нищая... Лучше с голоду умру...

Тося удивленно развела руками.

«Как знаешь, — сказала она — помолчи, завтра объясню. Я бы тебе не советовала трепать шелковое платье на работе. Надень вон мой комбинезон».

Загудел фабричный гудок, и Тося, не сказав больше ни слова, вышла из дому. Клава нервно кусала ногти. Потом, вспомнив, что ей еще надо идти на работу, топнула задом. Тосин комбинезон и побежала вслед за подругой.

Шли дни. Тося ни словом не упрекала Клаву. Она только иногда заставляла ее мыть посуду, варить обед, подметать полы в комнате. Скряпа сердце Клава делала все это, так как считала себя зависимой от подруги. Ее мечтой было вырваться из угнетающей зависимости.

Но оказалось, что сделать это совсем не так просто. Пошел уже третий месяц самостоятельной жизни Клавы, а она все еще еле сводила концы с концами. Правда, на фабрике Клава делала теперь почти вдвое больше, чем в первые недели, и заработок ее повысился, но если бы было плохо. Девушка считала, что рождена для чего-то вышешного. Для чего именно, она не знала. Клава пыталась отогнать сравнение получалась малоуспевающим. Фабричные девушки так же, как и она, танцевали в клубе, читали те же книги, оведали ничуть не хуже Клавы. Нарядные платья, что привозила она из дому, очень скоро покупали, походили по швам, покрывались жирными пятнами.

Другие девушки умели как-то отстирывать, переделывать, подновлять. Клава ничего этого не умела и скоро стала выглядеть рядком по своим подругам настоящей заплаташкой. Наконец Тося не выдержала и сурово сказала:

— Если так будет продолжаться, Клава, лучше сразу уходи из комнаты.

— Ты о чем? — не поняла Клава.

— Что ты ходишь, такой неравной? Рук у тебя что, лиг, не привнеси в порядок свои платья?

И Клава подчинилась подруге. Впрочем, к этому времени появились дополнительные причины, чтобы Клаве стать сначала опрятной, а потом и нарядной. В фабричном клубе существовал кружок художественной гимнастики. Клава записалась в него и на этом поприще сразу пошла в гору. После первых же занятий руководительница кружка сказала:

— А не попробовал ли тебе, Клава, подоткнуть акробатический этюд?

Клава испугалась от радости. Руководительница оценивающим взглядом посмотрела на своих учеников.

— Вот попробуем с Гришей Стаценко.

Номер явно удавался. Гриша и Клава — оба гибкие, красивые — подготовили свой номер и выступили на клубной сцене. Успех получился огромный и, нужно сказать, вполне заслуженный. Гриша проводил Клаву домой и с этого вечера стал частым гостем в комнате подруг. Тося угощала Клавиного приятеля чаем, домашним печением. Гриша был ладным как парень: собой не дулся, хорошо оведался, играл на гитаре, прилично зарабатывал. Он приносил девушкам цветы и конфеты. Втроем они ходили в кино...

Однажды Клава пришла домой почти под утро, разбудила Тосю, объясня подругу и заплакала.

— Что ты, Клава? Что ты!

— Он сказал, что любит одну меня.

— Это они все говорят. А когда вы регистрируетесь будете?

— Не знаю, Тося, не знаю.

Потянулись месяцы, которые Клава прожила, как в тумане. Ее отношения с Гришей ни для кого не были секретом, но зарегистрированы они так и не сумели до сих пор. В сентябре Гриша уехал куда-то в Сибирь. Клава стояла перед расставанием. На перроне они в последний раз поцеловались. Поезд ушел, и Клава пошла: Гриша уехал навсегда.

Клава стала замкнутой, грустной. Тося догадывалась, в чем дело, но из деликатности не затормозила с подругой.

В эти трудные дни Клава вспоминала о матери и надеялась к ней за советом и помощью. Надежда Васильевна держала на руках ребенка. Рассеянно слушая Клаву, она сказала: — Теносаво у нас теперь... И, спохватываясь, терпеливо добавила: — Ну, ничего, не бойся, мы тебе поможем.

Нет, не до взрослой ей было дочери...

Клава шла в свое общежитие и, безразличная рыдания, горько думала: «Какже зноисты все эти люди, какие зноисты! Все и мужчины и мать, да же мать».

Случилось то, что так неотвратно надвига-

лось: Клава стала матерью, матерью-одиночкой. «Теперь все!» — подумала она. — Кончилась моя жизнь. Двадцать лет всего!» И девушка Клава было жалко и себя жалко. В какой-то противоречивый клубок спутались ее мысли. Но маленькое существо вполне требовало кричать: «Теперь все!» Тося же кормила, нужно было кушать дочку, стирать пеленки, думать о том, чтобы у маленького человечка не прели ножки. Нужно было ублаживать ребенка, и Клава впервые пожелала о том, что не знает ни одной кодыбальной лексики...

Вечерами вместе с Тосей Клава шла для девочки чепчики и распашонки. Подруги вместе читали книги об уходе за грудными детьми. На грустные размышления просто не оставалось времени. Клава не заметила, как настала пора устраивать дочь в ясли, а самой выходить на работу.

В один из вечеров, когда подруги уложили маленькую Нишу спать, Тося сказала:

— Я уйду скоро, Клава. У тебя с дочкой будет своя мамочка. Я говорю на отбойке в фабкоме.

— Из-за меня уйдешь?

— Нет, Клава, я замуж выйду.

Клава ничего не ответила. Только проплакала почти всю ночь — то ли от жалости к себе, то ли от зависти к подруге.

Утром Тося возобновила этот разговор.

— Я уйду к мужу. Он агроном. И жить мы будем в деревне. А тебя я на свое место хочу готовить. Ты же среднее образование имеешь. Будешь контрольным мастером. У тебя дочка теперь. Скоро понадобятся ботинки, чулки, штанишки. Нужно об всем самой думать. Зарабатывать деньги придется для двоих теперь.

Тося говорила все эти будничные слова просто, ласково, и Клава понимала, что так оно и должно быть, так и будет.

Через месяц она проводила Тосю к мужу. Подруги всплакнули на вокзале, крепко поцеловались, и Клава ушла домой, в свою комнату, к своей дочери, к новой жизни...

Она извормила Нишу, уложила девочку спать, заглянула в настольную лампу, взяла «Книгу для родителей» и углубилась в чтение. Клава искала ответа на вопрос: как ей вырастить свою дочь не такой беспомощной, не приспособленной к жизни, какой совсем недавно была сама?

Александр ПОДМОГИЛЬНЫЙ

УТРО

Продор паренек — на дощатом пароме,
за сней рекою — дорог без числа.
И детство осталось в родительском доме,
и юность на шахту еще не пришла.

ЕСТЬ В ДОНБАСЕ ТАКАЯ ШАХТА...

Встречный ветер де поезда скорость
дым клубит по зеленой траве.
Терриконы знакомые порознь
пропадают в густой синеве.
Все их меньше над степью горбатым
и не будет совсем бирюдами
с каждой новой, именьшей утратой
замирает дышанье в груди.
Оторвать невозможно мне взгляда
От простора, что мимо плывет:

здесь моя остается бригада,
беспомойный, душевный народ.
Буду верен всегда и посвободу
неизменной верой ему.
А еще... А еще не забуду
том за рекою и тропку к нему,
не забуду, что около тремки,
где степные растут цветы,
есть в Донбасе такая шахта,
на которой осталась ты.

* * *

Вкруг буровых бурят метель,
палатки продуван насаозель.
И ты сбываю, а я остаюсь,
и с той поры — дороги врозь.
Давно в степи над новой шахтой
на месте вышек встал опор.
Он обмечет каждый шаг твой,
он совести твоей укор.

Закат поднимался трудно, долго,
в недоспанных порох нощах.
Часть твоего Отчизне долга
я вынес на своих плечах.
Мы в жизни недругами будем
на перутье гордых дней,
ты, говоришь, походишь в люди,
а я — я живу среди людей.
г. Горьковна.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ

...Все, что есть на свете великого, меркнет перед величием младенцев, сказал Виктор Гюго, пораженный красотой и мужеством души своего маленького героя из романа «Человек, который смеется». Как помнит читатель, в этой книге рассказывается о ледяных компринкосов.

В 1941 году темные орды новых, фашиствующих компринкосов ворвались в пределы нашей Родины и достигались до Подмосквия. Там, в небольшом Березовом селе, от тихих вечеров которого сложена теперь задуманная пьеса, наша отступающая рота была свидетелем следующего: пикирующие «юнкеры» с отравляющими водами кинули на прицеле домик сироты Бомб. И уже через полчаса в низкое синевное небо в страшной немоте и обжиганности потянулись уцелевшие печные трубы. Один трубу... Не дымящихся обломках окраинного домика солдаты увидели ребенка лет десяти. Он был в армейском картузе с оторванным козырьком, в бабьей кофте и с палкой в руках. Босым ногами он попирает родной прах и невыразимо скорбными глазами глядел в небо. Кто-то из солдат подошел к нему и тихо спросил:

— Трудино, брат!

— Тру-руино,— тихо, картаво ответил ребенок и еще тихие сообщил самое страшное: — Мама... Петька... и бабушка — тут...

— Десять минут,— уговяет подручный сталеваар Иван Васильевич Северин.— Без задержки и даже с опережением графика. Иван Васильевич самый старший в бригаде: и Валентин Миргородский, и Владимир Панащенко, и Анатолий Стокоз.— уже комсомольских лет, а Северин называет себя «комсомольцем тридцатых годов».

Мы с Иваном Васильевичем отходим в сторону.

— У нас теперь порядки строга,— откровенно говорит он.— По-новому начинаем работать, по-коммунистичнее. А это значит— побольше скоростных плавок, побольше стали... И жить тоже по-новому решим. Работе даже не хотеть быть мена в бригаду.

— Понемю?

— Не учишься, мол... Ну, учишься-то и поешь... Да был еще один грах. Любил, знаешь, «пропустить» для издохновения. Хлопцы сиязидли: если хочешь работать в бригаде коммунистического труда, брось эти промлятые граммы.

— И как жь? Бросил!

— В яасть быт не хочю!

...Работать и жить по-коммунистичнее! Это и означало, конечно, бригаде Валентина Миргородского. Металлурги меряют промютей день тем, что сделано для достижения заводной цели — выполнения семилетнего плана. И когда Валентин слышал телефонную трубку, чтобы сообщить диспетчеру, что плавка пошла, бригада знает: прошли десятки тонн сверхплановой стали в фонд семилетия. Каждый член бригады хорошо помнит задание своего комсомольского плана: сменить себистомотомы тонн стили на два рубля, довести кампанью лечи до 500 плавок, учиться всему передовому, прогрессивному в сталеплавлении.

Молча, понору и тяжело выполняла рота приказ об отходе. И молча, понору и тяжело шел позади строя ребенок с палкой. Солдаты просили, а командиры приказывали ему вернуться, но никто не произносил слова «рабой» и оттого ребенок все шел и шел за нами. Потом наш старшина вышел из строя, склонился над ребенком и вдруг подхватил его на руки.

— Сволочи! — неизвестно кого обругал старшина.— У человека душа винтом, а вы... Эх, люди!

И все мы увидели, что ребенок сед...

«Душа винтом»... Эта удивительно емкая фраза досрела в моей памяти вчера, когда я пришел на виальнский завод электротехнических изделий «Авангардас», чтобы встретиться с молодым рабочим Маратом Витасом.

...Марату тоже шел тогда десятый год. В эту пору жизни каждый человек четырежды Колумб: он открывает целые миры, а не только новые чисте света. Но по злой воле черных людей Марату открылся мир, населенный бредовыми образами, каких он не встречал до того ни в одной сказке.

Все это началось при ярком солнечном свете, пронизывавшем густые кроны лип на улицах Вильноса. Над городом, охамев от беззаказности, кувыркались в лазурном небе

Но удивительно, что теперь бригада снимает не по 7,3, как было запланировано, а по 8,8—9,1 тонны стали с квадратного метра плавки и выпускает только скоростные плавки.

Надано Валентин Миргородский побывал в гостях у итаиских друзей. На Айншском металлургическом комбинате он прожил несколько друбыл. Сталеваар из Днепродзержинска щедро делится своим опытом. Он сварил плавку на три часа раньше графика. В цехе сразу же выпустили газету, а Валентину Миргородскому вручили на память памячуемый вымпал.

Многобразны интересы членов бригады. Валентин Миргородский и Владимир Панащенко учатся на вечернем отделении металлургического института, оба хорошие общественники. Анатолий Стокоз занимается на подготовительных курсах для поступления в вуз. Иван Васильевич увлекается живописью и поэзией, он член литературной группы «Оазиса» при заводуи многопарине. Нередко товарищи обращаются к нему с полушутливыми вопросами:

— Когда закончишь поэму о нашей бригаде?

— А о итаиских друзьях?

— Полробую налестя картину...

Недавно по поручению заводского комитета ЛКСМУ мне довелось вручить Валентину Миргородскому и его товарищам мандат бригады коммунистического труда.

М. СУШКО,

секретарь комитета ЛКСМУ завода имени Днепродзержинска

г. Днепродзержинск.

гразно-желтые чужие самолеты, и тяжело рвались бомбы, и жарко взвонили, рассыпалась, стекло окон. Прижка к груди маленькую Веруску, мать металась по комнате; то она принималась укладывать ребенка в прикроватную кювету, то кричала к окну, но от нее не шел. И Марат твердо поверил: как только он вернется, все будет хорошо, все станет просто и ясно, и может быть, даже война тогда прекратится... Еще бы! Только один Марат знает, какой сильной и смелой его отец, и другого такого ни у кого на свете нету!

Отец пришел домой через сутку. У него было темное, запяленное лицо и новый, неизвестный Марату взгляд глубоко уставших глаз. Собирайтесь. Нам надо уезжать на восток,— стоя у дверей, глумо сказал он и вдруг преобразился, стал прежним, ласковым, и сразу пошел Марат нечаяно услышал разговор отца с матерью, и скорее догадался, чем пошел, что отец с ними не поедет, что он останется тут, в городе, потому что ему так приказано партией... А наутро оказалось, что ехать на восток нельзя: железная дорога и минское шоссе «перезерзаны». В уме Марата это известие укоренилось по-новому: было мучительно любопытно узнать, чем это таква большим и, должно быть, страшным фашистам переверзат каменное шоссе и рельсы.

За городом, по дороге на Немичине, приютился в густом лесу небольшой поселок Турнашай. Туда и пришел Марат вместе с отцом и матерью, но отец сразу же отправился в город, занятый уже фашистами, и вернулся не скоро, дней через двадцать — в большем темном очкае, с бородой, с широким зонтиком и в незнаковой одежде. Он был чютко чужой, смвиной, но хорошиной, но не смилосердия, а потому спускался из рук зонтика, опья пошел их куда-то глумихи лесными тропинками. На это раз шли бесконечно долго — десять ночей — и пришли к Алтуну. Тут на опушке леса Марат протился с отцом и никогда его больше не видел: секретарь Вильноского подпольного горкома парти Иосиф Тимофеевич Витас пошел в застенках гестапо в 1943 году.

В Алтуне жили у дяди — брата отца. Военная первая дин войны охватила и нем, сгладилась; новые впечатления и события заслонили собой пережитое. Здесь Марат своей раз в жизни издали увидел живых фашистов и не ощутил ни страха, ни удивления: они все-таки были похожи на людей, и многие среди них были маленькими, рыжие, некрасивые, а значит, не такие — не то что его отец! Потом уже, когда его с матерью и Веруской загнали в лагерь, у Марата появилось к фашистам новое отношение: «Злые, как собаки, и зеленые, как жабы»... За колечер проволочной Марату прихрилось солоно. Каждый день по утрам часовой посылал своей племяннице — и брел по лагерю, делаво волоче кованые сапоги и заснувшу руки в карманах широченных штатов. Отсыка Марата, эсэсовец разглядываю его долго

— Выдают скоростную! — докладывает Миргородский цеха.

Сталь семилетки

Иногда марлена вырываются изюки планены. Надвину на глаза синие очки, сталеваар Миргородский осматривает добула рассыланную ванну и поднимает руку:

— Ва-а-а!

Машинист завалочной машины поверачает реверс. Хобот захватывает мурду и подает ее в олово лавы.

Вытира потное лицо, Валентин смотрит на часы.

— Ну как? — спрашивает я у Миргородского.

— Пока хорошо.

МОБИТ...

и внимательно, потом выхватывал из кармана правую руку, на лезу гсбил пальцы и умело щелкал Марата в стриженую макушку.

— Парзаван!

С этих пор Марат стал быстро взрослеть. Он перестал смеяться, а плакал укордкой, чтобы не видели мать и Веруська, хотя ей, по глубокому убеждению брата, жилось лучше всех в лагере: была совсем несмышляная. Так дети бойцов и борцов жили из чашки жизни полненькой настоль горю и гора. Но гора в детстве не только серебрить седую крошечную головушку. Оказываетс, гора сообщает детям еще и волю к жизни, а где есть воля, там есть и путь, а кто в пути не сворачивает в сторону, тот далеко вперед идет!

...В клубе золотой пыли, в броне и цветах пришли свои бойцы с востока, и полагалось бы Марату дослушать на полуосе превращенья сказки, докончить ребрические игры, дописать и доплакать, да времени было не то: предстояла трудная и радостная жизнь и суровая, захватывающая дух борьба за исполнение своих желаний. Пожалуй, Марат не смог бы объяснить толком эти желания, но, слушая свои сверстников, болтавших о нодах и преимуществах рокн-н-ролла перед буги-вуги, он сперва хмурился, а затем по-взрослому улыбался — снисходительно и извиняюще: эти парни мечтали о какой-то фантастической легкой и бездумной жизни, и никто из них почесу-чутью не знал, что без простого и трудного большего и веселого к человеку не придут... В этот период Марат с опозданием кончал последний класс начальной школы. А сверстники... Что ж, многим из них повезло: не всем же в лагерьках пришлось сидеть в лагерях и тюрьмах...

В канун 1950 года юноша Марат Витас не смело пришел на Вильнюсский электротехнический завод. В то время отдели кадров испытывали большую нужду в людях: требовалось конторское слушание, учетчик, нормировщик, агенты по снабжению, экспедиторы, но Марат долго и трогательно просил направить его в цех учеником токаря, и в отделе кадров сдавался.

Так сбилось его первое желание. Тутжим жизневозрающим ритмом диковинно-умных станков и машин пополнил завод Марата: он никогда не подозревал, что стальная машина способна проявлять почти человеческий разум и послушание, что она чувствует ласку руи мастера и по-живому откликается на его желания. Значит, есть и другие, еще более талантливые изобретения, а если есть, то...

Но на этом месте мечта, робкая, спотыкалась и Марат знал, почему: ей не хватало крыльев знания, чтобы разбежаться, и взлететь, и сообщить сердцу радость творчества и вздоновения!

Так на смену сбывшемуся пришло новое, уже дерзкое желание: стать инженером, а там...

До края заполненные веселыми и зрими-ми свершениями коллектива завода, проходящий перед Маратом дин, словно гойд— каждый был несобствен и нов, приносил с собой неизбывные в жизни печали и радости, огорчения и надежды. Молодой и звонкой радостью озарились дни вступления в комсомол и поступления в вечернюю среднюю школу. Правда, последние были созданы невактей денег, квартирной неустроенности... Ну и что ж! Не то она и жизнь, и другой ее не бывает, да и не нужно тому, кому от роду всемирно-здаться лет!

Однажды магким осенним дием Марат получил повестку из военкомата: «Хорошо бы поспать в такую чашку, где много разных ма-

шин!» — навивно подумал он, но призывная комиссия, огладев его явную, ценную фигуру, определила:

— С такими данными только в морпорт.

— Есть в морпорте! — весело отозвался Марат и совсем незначая — как-то само собой это вышло — радостно подмигнул престарелой женщине-врачу. Та строго поджала губы и отвернулася, не говоря будущего моряка...

Говорят, будто степь воспитывает в человека любовь к удали, свободе и воельности, дес приучает к осторожности и наблюдательности, а море — к внутренней собранности и дружбе. Что ж, два первых правила Марат пока не испытал, а последнее оправдалось полностью: за годы суровой морской службы он научился четко распределять свое время и поступки и познал настоящую цену морской дружбы и взаимовыручки.

...И вот Марат Витас снова в Вильносе. Горд, такой близкий и родной, астрит его лосами на островок, незнакомым магистральям, стройными шпалерами юных тополяк. И демобилизация — это же его праздное свидание с родными местами и впрямь может затанцевать: расставая на корабле, братья-матросы советуюла ему «как следует погулять». Но Марат отдалась всего лишь несколько дней: душа витном не давала голове покоя; к сердцу вернулись и заняли в нем главную «полюк» прежние мысли о работе, учебе, дипломе инженера.

В те дни в Вильносе зарождалась новое предприятие, завод электротехнических изделий «Авангардас», и, хотя в цехах уже кипела работа, которая еще не сформировалась и рабочих нанявал директор. Ему и вручила свои документы Марат, а сам встал у стола — загорелый, ладный и упрямый, готовый настойчиво защищать свое право на немедленное поступление рабочим в цех, если директор...

Но все произошло иначе. Директор, взглянув в документы, выпрямился за столом и резко спросил:

— Марик! Это ты, что ли?

— Так точно. То есть... я Витас,— смутился Марат и по привычке выткнулся по команде «исходить».

— Черт драгой! — с искренней обидой сказал тогда директор. — А чего ж ты молчишь! Я ведь тебя видел вот таким же карапузом!

Так произошла встреча Марата с участником подпольной борьбы в Вильносе Геннадием Ивановичем Некрасовым, одним из авторов романа «Дал свободы, повествующего о героической борьбе вильнюсских коммунистов-подпольщиков во главе с отцом Марата.

И уже через полчаса Марат с грустью понял, что ему не повезло: коротко, стрем-

Три подруги, Оля Касникова, Зина Колесникова и Люся Куктинова, работают в одной из бригад коммунистического труда на Харьковском электромашинном заводе. Девушки вместе работают, вместе проводят досуг, вместе учатся: Оля Касникова и Люся Куктинова уже заканчивают подготовительные курсы и по примеру своего бригадира Зины Колесниковой, которая законно учится на 3-м курсе Политехнического института, тоже собираются осенью поступить в вуз.

Фото В. Леонова.

тельно и властно сподвигник отца по подпольной работе объявил ему свое решение:

— Никаких цехов! Будешь работать там, где я скажу, до тех пор, пока не сдашь экзамены на аттестат зрелости. Ясно! Ну то-то ж!

Так Марат поневоле стал «конторским». Несколько месяцев он работал чертеником, а как только получил аттестат зрелости, сразу же предстал перед директором завода.

— Все, Геннадий Иванович. Сошел. Хочу пойти рабочим в гальванический цех.

Пряча под напускной строгостью заботу, директор хмуро напомнил, что гальванический цех — один из трудных, что есть, мол, и другие цеха, если уж так приспичило!

— Так ведь я поступаю на вечернее отделение Каунасского политехнического института! И мне надо знать химии... Как же вы это не поймете? — сказал Марат.

И директор покаял.

Ныне рабочий Марат Витас — студент третьего курса политехнического института и руководитель первой на заводе бригады коммунистического труда. Витас принят в члены КПСС, но молодежь завода не отпускает его от себя: третий год он выполняет обязанности заместителя секретаря комсомольской организации.

В январе партийная организация района избрала молодого коммуниста Марата Витаса делегатом на XI съезд Компартии Литвы. Сейчас Марат со всем пылом своего горячего сердца, влюбленного в жизнь, с душой, обретенной крылья большой и радостной мечты, старается внести свой вклад в борьбу миллионов за торжество семилетки.

ВНИЗ ПО МОЛОМЕ

Когда весенние воды унесли в низовья рек последние лядины, с платищ леспрохозов потянулись караваны плотов, начался лесосплав... Миллионы кубометров ценного строительного материала доставят сплавщики на новостройки семилетки. Среди плотозонов тысячи юнцов и деушек. Труд их неслух, требует большого умения и, конечно, любви к делу. О трубовых бригах комсомольско-молодежной бригады, сплавляющей лес по реке Моломе, и рассказывает публицист фоточерк.

На платище Бечевского лесосуцка мы прибыли вечером. Сплавщики засветло спешили закончить оснастку плота, устанавливали на нем управление. Руководил работами Геннадий Позолотин, с которым мы познакомились еще на рейде в низовьях Моломы, куда бригада недавно доставила оче-

редной плот — 3 400 кубометров леса.

Геннадий встретил нас как старых знакомых, проводил на плот. — Устраивайтесь, завтра на зорьке снимемся с якоря, — сказал он.

Вскоре мы узнали, что Позолотин поведет наш плот в качестве лоцмана.

— Не хотел Геннадий братья, — говорил нам комсомолец лесочка Виталий Комраков. — Лоцманы, — говорит, — люди бывалые, с опытом, а мы, бригадир, еще зеленые». Зарядил одно: «Не справлюсь». Хорошо, что ребята поддержали. «Не поведем», — говорит. Он и согласился...

Сам Виталий Комраков приехал на Бечевский участок радистом. Но в страдную пору лесосплава, когда особенно дороги бывают рабочие руки, он пришел на плот...

Лоцман Геннадий Позолотин напряженно всматривается в сверкающую на весеннем солнце разводящую гладь реки. Он впервые самостоятельно ведет плот...

бище, чтобы помочь плотогонам, да так и остался здесь. Сейчас Виталию поручили возглавить бригаду сплавщиков...

Утром нас разбудила команда «Поднимай якорь!». Буксир выткнул плот на стремнину. Дрейф начался.

Красным берега Моломы, покрытые в верховьях густыми лесами! Когда крутояры сменяются низинами, то далеко видна впереди играющая на солнце серебряная лента реки. Но весенняя погода переменчива, с востока потянулись мурные тучи, закрыли небо, пошел дождь. Река петляет все чаще, все быстрее течение. Далеко слышен голос лоцманов: «Наметни справа!» — это значит смейрай глубину; «Левый!» — раздется команда, и стоящая на корме бросается к реям, плот делает крутой поворот и, не задев берега, скользит дальше, вниз.

На горизонте показались плоты. Вот уже ясно виден белый флаг. Это означало стоянку или аварию. Река здесь узка, на обойденый, пришлось бросить якорь. Однако скорость движения плота не убавилась, кажется, вот-вот он обрушится на приближающийся заплот. Если тысячи тонн леса ударят по плотам, — катастрофа неизбежна. Медлить нельзя. Позолотин и Комраков принимают решение: зацепиться за берег. Двое смельчачов бросаются к лодке, берут стальной трос и спешат к берегу. Тросом опутывают две тонкие ели. Скрещуют бревна под напором воды, плот замедляет ход...

— Наверняка будешь хорошим лоцманом, Геннадий Иванович, —

засмеялся плотогонец Рая Паниндровская.

«Почему «будешь»? — подумал я. — Он и сейчас настоящий лоцман».

Наступила ночь. На рассвете всех нас разбудил оглушительный треск ломающихся бревен. Мы выскочили из палатки. На наш плот, стоявший у прикола, напирал сверху другой плот. Лоцман хотел, вероятно, пройти мимо, но не рассчитал, и поворот не удался, плоти зацепились краями. Потребовалось невероятное усилие обоих экипажей, чтобы оттянуть плот. При помощи лотов и рей наконец это удалось...

Наш плот вышел вскоре на половеде. Здесь требовалось особое внимание. Берега залпы вешней водой, и только опытный глаз может определить основное русло реки. Отклонись от этого русла направо или влево — окажешься на мели, упустишь дорожку опытного лоцмана. Катер взял нас на буксир, вся бригада стала к корме сам управления. Река поперечному течению, но молодые сплавщики действовали уверенно... Наконец последний поворот — теперь открывалась спокойная «дорога» до самого рейда.

Вот и небо прояснилось, луч солнца скользнул по верхушке мачты. На рейде стояли десятки плотов, совершивших далекий, трудный путь с верховьев Моломы.

О. КОБЕЛЬКОВ

Кировская область.

Подана команда — и рабочие дружно налегли на носесо управления. Огромный плот стал медленно разворачиваться.

Вечером на плоту загораются сигнальные огни.

Перой пришлось работать по нолено в ледной воде.

Фото А. Перовщикова.

И. Галицкая. Новоселы.

И. Кабанов. Строители Комсомольска-на-Амуре

Большое плавание

Коммунизм уже близко, он становится явью. И поэтому правильно поставлен в очерке «Дружили три товарища...» вопрос: какими же качествами должен обладать человек, вступающий в новое общество? Я хочу рассказать здесь о бригадире Градаторовском лесопункта Петре Кондратовиче, в котором, на мой взгляд, уже наиболее черты человека будущего коммунистического общества.

Пять лет назад Петр прибыл в Градаторский лесопункт. Восемнадцатилетний парень, он искал в жизни романтику, стремился к необыкновенным приключениям, радил чего похвалу. Белоруссию и отправился в леса неизвестного ему края Коми. Нелегко оказалось поначалу эта романтика. В объективнее было тесно, неуютно. В первую же ночь в одиночку в совхозной Петра украли деньги. Некоторые старожилы лесопункта частенько надевались на новичков: — За длинными рублями приехали! Подождите, узнаете рублечки!

Новички молчали да поживались. Работать пришлось на развозке леса вагонетками. Работа трудная, а заработки маленькие. В те дни Петр Кондратович редко вспоминал о романтике. Придет с лесоразработок, поделится впечатлениями с Иваном Давыдуком, вместе с ним приехавшим в эти края, и уснет, спокойно забыв о прошедшем утре. Но, пожалуй, самыми трудными были для них дни, когда в лесопункте выдавали заработную плату. В комнатах до утра пыновили, орали песни. Иной раз трудно было оставаться в стороне: надо было или поддерживать компанию, или бороться. И два комсомольца стали бороться.

Первое более серьезное дело они получили в свистке с ворами, которых поймали на месте преступления. Потом Петр Кондратович и Иван Давыдук вязались за пьянство. Но здесь пришлось потрудиться волю лаять: она, став общим осуждением, то пьянчик некоторые поддерживали.

Много пришлось испытать двум комсомольцам; не раз возвращались они домой в израненной одежде. Но другим не отступали. Своим упорством и настойчивостью они заслужили уважение рабочих, и вскоре к ним присоединились другие парни. Теперь в клубе, обещания, на улицах посещая лесопункт, они становились старшими хозяевами лесопункта. Появятся пьяный в клубе — его сразу отведут домой, затекут кто-нибудь ярая — свяжут по рукам и ногам.

К этому времени Кондратович стал помощником тракториста. В январе 1956 года как лучшего рабочего его назначают помощником электрорядовца. Он хорошо трудился, постоянно что-то выду-

мывал, совершенствовал. В этом же году и начался лесопункта перевел его в электрорядовца и назначил бригадиром.

В ряде случаев трудно понять и правильно оценить человека, если не видишь его на работе, не знаешь, как он борется с трудностями. Человек сильной воли и дерзкого ума всегда дерзок в работе и быстро находит выход из трудного положения, хотя порой это бывает и рискованно. Если он окажется еще и человеком беспокойного характера, его жизнь всегда находится в центре внимания окружающих людей, и он ведет их за собой. Таким не страши буря жизни, они сами подчас поднимают их, ищут трудностей, чтобы победить. Добылись одно — примутся за другое, и так всю жизнь.

Петру Кондратовичу присвоили звание «Лучший моторист Коми АССР». Награду за награду стала получать его бригада, а он не услаживается и трудится все лучше.

Прочитал как-то Петр в газете о комплексных бригадах и задумался: — Не слезть ли у себя? И вскоре предложил перейти работать по новому методу. Согласия у руководителей лесопункта добился быстро, но когда сказал о своем решении в бригаде, то встретил отпор.

— Мы не шашки, — заявили несколько рабочих, — спину гнуть на других не будем.

И ушли. Кондратович окинул взглядом участок. Остатки рая рабочие молча подпирали плечами деревьев. Они ждали решения бригадира. Телый комок подкатил к его горлу. «Значит, они верят мне, не уйдут!» Петр поднял с земли электроруку и тихо сказал: — Я вам обещаю, что наш заработок будет выше, чем в какой-нибудь другой бригаде лесопункта... А на место ушедших желающих выйдутся.

Утром бригадир привел двух молодых женщин: Валентину Архипенко и Лену Молодых, — которые пришли на время помочь. Работать стали сообща: нет у тракториста помощника — бригадир ищет — идут помогать сучкорубам; нужно срочно вытнать на погрузочную площадку заготовленный лес — сучкорубы переключаются на ценовую (запаску бревен). Больше не стало «командных» своего и «своего», все стало обещать, «наше».

Проработали так полмесяца. Нормы перекрыли почти вдвое, а пошло время получать зарплату, и оказалось, что меньше 900 рублей никому не пришлось. И тогда началось паломничество бегло обратно в бригаду.

Не успела как следует освоиться с комплексным методом, а бригада уже вылезла за новое — оборудование площадки для крупнопакетной погрузки леса на автомашину. Правда, Петр Кондратович и его товарищи знали о неудачах в бригаде Ивана Гусева и

Бориса Федорова, безуспешно пытавшихся выполнить эту же работу, но это не остановило переозвучивать. Никто не убежал на этот раз, люди верили своему вожаку и старались всю веселю. И они победили.

Когда Петр Кондратович услышал о начинаниях комсомольцев в Мокшине, Сортывочин, он не задумался над тем, включаться или не включаться в борьбу за

Коммунистическая партия и Советское правительство проявляют неустную заботу о материале народа, о повышении материального благосостояния трудящихся. Вокруг в стране идеология коллективистского строительства. Воздвигаются многоквартирные дома-пантелы, строятся небольшие индивидуальные коттеджи.

Очень хорошо, что с помощью государства построил себе дом и Федор Аршинов. Каждый подарил вместе с ним этому. Однако досадно становится, когда читаешь, что новый дом заслонил у Федора все остальное: коллективистский труд на производстве. Аршинов стал собственником, в его характере появились скрытые до сих пор черточки мешанина — этого живучего пережитка капитализма в сознании.

Мешавшее болото засасывает человека незаметно. Сначала как будто ничего серьезного, просто недостаток художественного вкуса — вылезает человек из себя, слоняки на полках. Потом, глядя, уже сподкова счастья прибавляется к порогу, начинает человек верить в различные приметы, предсказания и гадания, бывает, что ни с того ни с сего, и в церковь замечает. Федор Аршинов, правда, до этого еще не дошел, но ничего удивительного не будет, если и до этого докатится. Ведь не поспешит же он попрощаться старого кузнецка отковать ему под-

звание бригады коммунистического труда: для него это дело было само собой разумеющимся. Собрал бригаду, полагая своими людьми, и тут же вынес решение. 9 декабря 1958 года на общем собрании рабочих лесопункта их желание было одобрено. Так начала бригада Петра Кондратовича новое плавание.

В. ЛИТВИНОВ
г. Сыктывкар.

Настоящие друзья

ком! Забыл Аршинов, что он комсомолец, член бригады, которая борется за звание коммунистической, что в новый дом не следует тащить за собой старые привычки, оставшиеся в наследство от капитализма.

Но не надо думать, что Федор — законченный мешанин. Пока он только сплуткался — значит, его надо поддержать и поставить на правильный путь. В этом большую роль могут сыграть его товарищи — Миша Чернов и Гурен Маркьяну. Ведь когда они ушли в ремесленном училище, все завидовали их дружбе. Они помогали ему строить дом и даже... обманывать коллектив, когда Аршинов решил зашить лишней рубль на резные накладки и альфабрыте узоры. Почему же сейчас Миша Чернов решил остаться в стороне? Он говорит, что его не тянет в дом Аршинова. Напрасно! Ему и Гурену Маркьяну надо обязательно побывать, и не один раз, в этом доме и помочь Федору вырваться из мешанинских тисни.

Чтобы иметь право называться членом бригады коммунистического труда, нужно служить примером не только в труде, в учебе и в быту, но и быть первым в рядах борцов со всем тем, что мешает советским людям нормально жить, работать и отдыхать.

А. МОТЫГИН
г. Каменск-Шахтинский.

Быть требовательнее к себе

С детства мы твердо знаем, что общественные интересы выше личных. Можно привести много примеров мужества и самоотверженности советских людей, которые ради интересов общества шли на любые лишения. Строители Комсомольска-Амуря, Магнитки, городов и заводов — первенцы наших пятилеток и, наконец, новоселы целковых земель часто жили в палатках, не считая и голода, но им была блага сердца людей. Тем более обидно становится, когда в нашей среде появляются такие люди, как Федор Аршинов, которые, живя в коммунистическом обществе, получают всеми его благами забывая о своем общественном долге, теряют перспективу. Им кажется, что главное в жизни — это удовлетворение личных интересов. Такой человек и в семье не может быть настоящим другом, хорошим

воспитателем. Ведь семья — это тоже маленькая коллективист, где иногда надо поступать своими интересами. Федор только во имя личной прихоти решает забирать деньги с работы.

Нельзя поступать товарищи Федора, позволяя ему недобросовестно относиться к работе, пока его стужательство. Для того, чтобы среди нас не было таких людей, как Аршинов, надо быть требовательным к себе и к друзьям, мерами общественного воздействия беспощадно бороться с пережитками капитализма в сознании людей.

Лев СИЛАН,
секретарь комсомольской организации сортового цеха завода «Красный Октябрь»;
Егор ВЕЛИЧКО,
бригадир бригады коммунистического труда, старший свирщик стана.
г. Сталинград.

Словесно о коммунизме

Достоин работать и жить

Меня заволновала история, рассказанная в очерке «Дружники товарища...». Но мне не верится, чтобы менеджеры Федора не проявились раньше, до его женитбы. По-видимому, товарищи Аршинова просто не замечали этого или не хотели замечать, как иногда мы не замечаем или не придаем значения «мелочам» в обихое своих друзей.

Нечего удивляться тому, что у Федора после женитбы прибавились и допущены ошибки, помогли пойти по неправильной дорожке: то рабочее место уберут, то наряды поменяются. Я не против помощи товарищу, но делать это надо разумно. Не меняться нарядами с Федором, а одернуть его надо было Мише Чернову.

Настоящему советскому человеку недостаточно только работать хорошо, нужно и жить достойно. Помните, у нас года полтора назад был такой случай. С. и И. трудился неплохо, выполнял общественные поручения, а как пожелались, их будто подменили. С. перестал посещать комсомольские собрания, а И. совсем оставил работу; дескать, раз есть муж, зачем же трудиться. Мы вызвали С. на бюро и по-дружески с ним поговорили. Его мы сумели вернуть в коллектив, а И. до сих пор так и не работает. Правда, у нее теперь ребенок, но разве мало молодых матерей трудятся на производстве?

А. БОНДАРЧУК

г. Новоовосинск, Ульяновской области.

Сочетать личное и общественное

Я считаю, что жить и работать по-коммунистически — это значит всегда и в труде, и в учебе, и в быту служить хорошим примером для товарищей, правильно сочетать личные и общественные интересы, уметь дорожить временем, не сквернословить, не пить, не курить. Жить и трудиться по-комму-

нистически, по-моему, сумеют лишь те, кто имеет непреклонную волю и упорство, закалку в борьбе с трудностями и его хотеть — значит мочь.

Н. ШАДУРСКИЙ,

студент, г. Ростовской области.

Об одной старой пословице

То, что Аршинов вступил на неправильный путь, ясно. Но я хочу договорить о другом. Мне кажется, что многие пословицы в наши дни потеряли свое значение. Вот, скажем, в очерке «Дружники товарища...» Миша Чернов говорит: «Женится — переменяется». Не устарела ли эта пословица? Хочу привести такой пример. Мой товарищ Ваня П. окончил во Львове техническое училище, работал по газификации Кие-

ва, потом женился. Переменялся ли он? Нисколько. Мы, его товарищи-родственники, частенько ходим к нему в гости, и он и его жена всегда рады нам. В прошлом году мы всем коллективом построили им замечательный домик, и наша дружба стала еще крепче. А на производстве Ваня считается лучшим дизелистом. Он любящий муж и хороший товарищ.

С. ЗОБЛОЦКИЙ

г. Одесса.

Уважать товарища

По-моему, не может быть Федора Аршинова бригады коммунистического труда, во всяком случае сейчас. Ведь он ставит свои личные интересы выше общественных. А для человека, который хочет жить и трудиться по-коммунистически, общественные интересы, интересы завода, бригады должны быть прежде всего.

Аршинов хочет «завышать» за работу жену, не считаясь с ее желаниями, хотя для Люси жизнь без

завода в доме с резными наличниками будет пустой и бессодержательной. Значит, Федор не уважает жену. А для члена бригады коммунистического труда важной чертой характера должно быть уважение, чуткое отношение к жене или мужу. Думаю, не одна я так считаю.

Лена ШЛЫКОВА

Хутор Надземнов, Ташиноского района, Ростовской области.

Труд — дело чести

Федор Аршинов забыл, что труд в нашей стране из подневольного и рабского времени, каким он был до Октябрьской революции, превратился в дело чести. Федор не думает о выполнении плана заво-

дом, бригадой, не работая гордостью двигает им, когда он стоит у станка. Мысли его направлены только к одному как бы побольше заработать. Нет, — постоянно еще Аршинов трудится в

бригаде, которая борется за право называться коммунистической! При полной победе коммунизма человек будет работать не из-за денег, а вследствие того, что труд станет для него внутренней потребностью. Многие уже и сейчас работают в нашей стране и странах народной демократии не ради личной выгоды, обогащения, а по-

тому, что не могут жить без труда на благо общества. Фабрика, завод, рабочий коллектив для них превыше всего. Уйти с работы для них значит лишиться самого дорогого — возможности трудиться.

В. ШЕВЧЕНКО

г. Глазговец, Латвийской ССР.

Счастье в наших руках

Наверное, никто на заводе не ждал от Федора таких слов: «Подковык к порогу дома прибавил счастье, а дом без откаты не дом...». Этому Аршинову не учили ни в школе, ни на заводе. Значит, слишком низкий у Федора уровень культуры, если он в наше время, в век искусственных спутников Земли и атомной энергии, в свой новый дом тащит всякий хлам прошлого, верит старым приметам о счастье. В Советской стране счастье в руках каждого честного, сознательного труженика. Миллионы людей находят и находят его, не прибегая к подковам.

Наша родная Коммунистическая партия и Советские прав-

ительство прилагают много усилий к тому, чтобы неуклонно повышать культурный уровень народа. Из услугам трудящихся огромная сеть средних и высших учебных заведений. После XXI съезда КПСС у советской молодежи появилась еще одна замечательная возможность повышать свои общеобразовательные знания в университетах культуры.

Я уверен, что не за горами то время, когда среди нашей молодежи, а тем более среди комсомольцев, не найдется парня или девушки, верящих в магическую силу «подков счастья».

А. БЕРЗИНЬШ

пос. Луостари-Новое, Мурманской области.

Показывать пример во всем

Нужно прямо сказать, что без открытости и правдивости не может быть настоящей дружбы. Ведь друг замечает в тебе то, что иной раз не видишь сам: человек свойственно скрывается со своими недостатками. Мишу Чернова и Гургена Маргаряна нельзя считать настоящими друзьями Федора Аршинова: они спорили о его поведении в отсутствие Федора; не показывали товарищу вовремя, в чем его ошибка.

Комсомолом неизменно идет в авангарде борьбы за зоркий быт и высокую культуру. Но все ли комсомольцы помнят об этом своем долге? Нет, не все! Есть

еще у нас факты нарушения трудовой дисциплины на производстве, нетоварнического отношения к женщине. В клубах, кинотеатрах, на улицах мы встречаем нередко пьяных молодых людей, забывающих о своей чести, о чести коллектива. Много неполадок можно наблюдать в заводских и студенческих общежитиях. Все это, по-моему, результат слабой работы тех комсомольских организаций, деятельность которых не удовлетворяет требованиям сегодняшнего дня, пренебрежит формально.

В. ОВЧИННИКОВ

г. Свердловск.

Не исключать, а убеждать и доказывать!

Нечего греха таить, есть у нас еще такие, как Федор Аршинов. И молчать об этом не следует. И против того, кто сознательно переступил порог коммунистического общества, но я против также и того, чтобы исключать из своих рядов заблудившихся товарищей, окончателю махнув на них рукой. Нужно доказать, убедить, разъяснить им, в чем они

ошибаются, отходят от норм нашей советской морали. Я считаю, что в новый, светлый дом, в новую квартиру — а их государство строит сейчас тысячи — каждый должен вступить с чистой душой.

Т. БОЖКО,

домохозяйка.

пос. Новоросинск, Агостинской области.

Бороться со стяжательством

В коммунистическом обществе не должно быть места стяжательству. С этим пережитком капитализма необходимо вести такую же решительную борьбу, как с пьянством и хулиганством. Ведь стяжатель способен на обмен коллектива ради личной выгоды, он в плену у частной собственности, которая незаметно делает человека своим рабом. Борьбу и предостерегаю не замалчивать случаи стяжательства, а решительно осу-

ждать их на партийных и комсомольских собраниях.

Воспитательная работа с людьми приобретает сейчас особое важное значение. Ведь мы строим самое передовое, лучшее в мире общество. В нем должны жить самые передовые люди, свободные от родимых пятен капитализма.

А. ХАРЛАМОВ,

учитель, г. Викторова, Пярвельского района, Эстонской области.

Лето выдалось сухое и жаркое. Солнце и горячие юго-восточные ветры мешали опадать траве и земле. На серых лугах макушек кургано и холмов стремительно взвизгивались и бешено крутились смерчевые столбы. Они вкружились в небо и, делая растекающиеся клубы, тянулись потом, словно верблюжий караван, над степными просторами недавно обжитых пашенных земель.

В один из таких знойных южнских дней на восьмом сенокосном участке, самом отдаленном в Белогорском животноводческом совхозе, случилась беда.

Артем Бланов, единственный в то время на всем участке богатейших кормовых угодий, обслуживавший всего два человека: Трофим Иванович Бланов — человек среднего роста, коренастый и кашепогод, как все казахи-кавалеристы, и Пета Черемухин — прищип, ученик девятого класса Белогорской школы, смешливый, долговязый паренек, приехавший на сенокос подработком.

Вчера они, Трофим Иванович и Пета, до сумерек работали на дальнем полюсе. А когда подхлели к палатке, то обнаружили, что фанерный ящик, в котором хранились продукты, разломан, ветер гонял вокруг табора обрывки пакетов и клочки рыбки шерсти.

Трофим Иванович, нахальничав, словно беркут, молча изучил следы. Он не делалого знания продовольствия не осталось и крошки.

— Лисы? — спросил приунывший Пета.

— Они, подлые. Тут корма горят, топчаться надо — и вот тебе...

— Усадьбу вымывать? — спросил Пета-прищипок, он же радист и повар.

— Как же! Мы тут с голуду подохнем, план сенокоса сорвем, если будем мочить и ждаться, когда же сиестьство Тамара-продвищица изволит к нам по графикам явиться.

Пета тряпичку курдюкам чубом и, ширнув в палатку, стал вымывать усадьбу. «Ну и Трофим Иванович! И всегда он так, когда злое бывает, а особенно, когда голодный аппетитом», — вздохнул он. «Ну какая она, наша Тамара, сиестьство?»

Петну радиogramму Тамара вручили поздно вечером, как только полуторка с голубой фанерной будкой в кузове подкатила к высокому крыльцу котурмы сельно.

— Вот, читайте, а что свет — на восьмой! — подавая продавщице лоскуток бумажки, распорядился продавец.

Но тут свет выключил не удавалось куда-то исчез механик Свиридов. Искали его накануне вечером, искали утром и нашли, когда солнце стояло уже выше талатки, потому выехали поздно.

Машину, как всегда, вела Наташа Воробейко — шофер третьего класса, маленькая, но крепко сбитая девушка. В белом платке и кофе-бескуражке, она, чуть согрившись, шури и без того узкие смолотные черные глаза, бойко крутила баранку, внимательно всматривалась в дорогу: тут сучина, там буторок или ама... Встречный

ветер-сухойе свирепе треплет радиаторы красной фляжко на выдворе, свистит в щелях кабины шармает горсти песка в смотровое стекло, рыжками толкается в голубые фанерные стенки ларька.

Тамара — в будке. Она всегда так ездит — в кузове, а не рядом с Наташей, хотя в кабине сельно лучше качает и трясет. Но являче и сельно: машину то подкинет, то трахнет, и Тамара ездит в ларьке, чтоб присмотреть в пути за топором, подгототовиться к тортолке. Вот и сегодня, как только выехали с центральной усадьбы, она осмотрелась, стала проверять, все ли сделала, о чем ее просили попутчики, не забыла ли чего.

Пета наказывал привезти риску, мяса, моркови — плов готовить! Трофим Иванович — машину (не любит, когда воласы на сантиметр — полтора отстроят), бабалайку, ломы Маяковского, Девушки с сельного участка...

Машина резко сбавила ход. Тамара прижало к стенке кабины. Она рыжком подгужулась до окошка, выглянула: «Ага, на Белогорку, аворачиваем, им прощас. Значит, сорок километров, считай, долой». Она посмотрела на часы: «Так, выехали в девять пятнадцать. Сейчас — десять тридцать. Следовательно, часам к двенадцати прибудем». Приехала на ящик с папиросами, стала расплетать тяжелые косы. «К двенадцати... А надо бы к семи. А все из-за кого? Из-за механика Свиридова, думайца этого, жором набитого, водкой налитого. Ведь так и не поможу Наташе. А она? Сколько времени ухлопала, чтобы разыскать его, и вышла в столовой за пивной бочкой... Пивничуки несчастный! — сердилась Тамара. — И откуда только берется такие в наше время? И кто их ставит на такие посты? Другое дело — людей не хватало бы. А то ведь не обидели мы умными и честными работниками. Вот хотя бы Трофим Иванович. Второй день одним чаем пробавляется, разные злые слова говорит, но чтобы бросить работу, оставить машину! А ну попробуй, посометуй ему такос!»

И Тамара представляла себе, как Трофим Иванович гордо вскинет стрижную голову, главней колечку и насмешливо бросит: «А читая у

Маяковского: «Если бы в музее выставили плуточного болшевика, весь день бы в музее торчали ротозеи...?» «Да разве мало хороших людей!» И она вспомнила бойцов девятый роты, сражавшиеся в Сталинграде, той роты, в которой она дослужилась до звания старшим. «Да же вы теперь, друзья-однопочае?»

Промелькнули ветлы-великаны, проплыл белый курган. Еще минут двадцать ходу — и будут Чистые ключи — небольшая, в каменистых берегах реушутка. Тут девушку охладит машину: сильно накаляется резина. Тамара запелла косы, уложила венком, достала из ящика полотенце, мыло.

Под машину зашуршали камни, потом послышался хруст песка, плеск воды. Полуторка, все глубже и глубже погружаясь в воду, медленно, словно опущившаяся в котел, поднималась вперед. Вдруг машина резко дернулась и остановилась.

— Что? Заглох? — выскочил на берег, спросила Тамара подружку.

— Какое там заглох!.. Промежуточкой на полете! Вель голорика Свиридов, что не дождут! — И Наташа залпалака. — Придется за техпомощию идти.

Тамара выпрыгивала, обогнала Наташу взглядом.

— Не волнуясь! — положила километром пешком за техпомощию? А люди? Големидне? — И, круто повернувшись, направилась к машине по колесу в воде.

Минут через десять Тамара снова выбралась на берег. За плечами у нее был вещевой мешок.

— Что ты надумала? — кинулась к ней Наташа. — По такой жаре с грузом!

— Не волнуясь! — положила Тамара руку на плечо подружки. — Техпомощию я вызову из табора. Туда ведь не так далеко.

Тамара круто повернувшись и широко, по-солдатски заглагла. «Продуктов и им принесу на дель — на два», — рассудила Тамара. — А завтра Наташа наладит машину и подчелет... Тут же, прямо с востогом, дуем на сельное! Тяжело ли, легко ли дельясь ей

первые километры пути, пролажда не замечала: она все думала, стоит ли поговорить о механизме с секретарем паркома. Решив рассказать все, как и бывало, рассказавшая комиссару Сорokinу о неполадках на прокладке, где ей случалось получить продовольствие на роту.

Скоро Тамара показала, что солнце жжет кожу сильнее, чем вначале. Руки, шея покраснели и стали прихватывать; ямки раздели плечи. Тамара сделала привал. Потом нарвала травы, положила под ямки и снова в путь.

Но идти после отмыла стало еще труднее: ноги отожгелись, плечи ныли, спину ломало. «Это потому, что давно не ходила», — рассудила Тамара и, с трудом переставляя ноги, все шла и шла.

На четвертом часу пути Тамара увидела Круглый колок. Он стоял явину у родника, такой тенный, зеленый, прохладный. Тамаре очень захотелось напиться холодной родниковой воды, посподить под березкой, освежить лицо. Она прибавила шагу и вдруг почувствовала юющую боль ниже колен. «Этого еще не хватало... А куда я так спешу? Кто меня гонит?» — вдруг рассердилась Тамара и решительно направилась к роднику.

Она уже представляла, как опустится на каменистый бережок родника, как будет пить холодную ключевую воду... Но мысль внезапно устремилась к табору восьмого участка: «Я буду прощас! — сказала Тамара Трофиму Ивановичу и Пете в это время урядкой друг от друга будут поглядывать на Красную гору: не пылит ли в табору полуторка с голубой будкой в кузове? Нет...»

Тамара подняла сухую березовую палку и, тяжело опираясь на нее, прихрамывая, повернула от копка на дорогу.

Снова уже началось за грешень усадьбу, когда Тамара появилась на Красную гору. С ее вершины девушка увидела белую палатку у овражка, а поодаль, на рощной площадке, бойки из-под горохоты, стогамот, грабли в сенице.

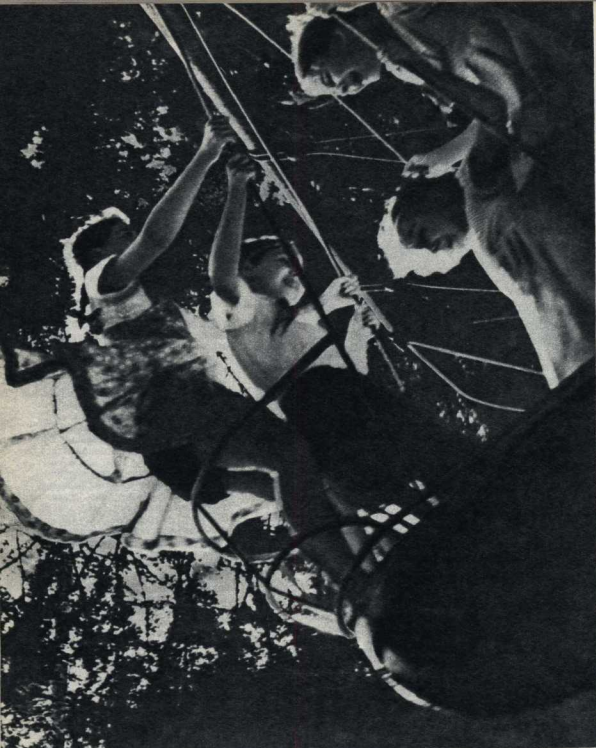
«Ни сенокосажек, ни трактора нет», — заметила Тамара. — Значит, не опоздала. Успее приготвить и плов и чай. Пета и Трофим явлю с бараниной, а Трофим Иванович — ириски, варенички, чай...»

...Тамара разбудила приближающаяся рокот мотора. Превозмоща усталость, она поднялась, привела себя в порядок и стала ждать. Костер уже был збит и не забрасывала в сумеречную велью себя снопы искр, не лизал зыжками пламени черны бочок котла. Но угли, затгнутые пелом, еще тлели. Являчик постукивал крашкой, и от него шел летящий парок.

Света фарам, к табору подошла трактор, и Тамара услышала опшиный голос Трофима Ивановича:

— Отдашь, Черемухин? — Отдашь. И им и желудкам, — плуточье отозвался Пета и опустился на землю рядом с трактором.

Тамара громко крикнула: — Скорее кончай! Ужас! Ужас! остане! — И засмеянная, направилась к бочке с водой. «И как же это я воды забрала им приготвить умить?» Вот ведь усадьбу и забрала», — укоряла себя девушка.

ЗДРАВСТВУЙ, пионерское лето!

Фото А. Гивентая.

Вот и пришло оно, звонкоголосое пионерское лето — пора увлекательных путешествий и волнующих встреч, новых открытий, задушевных бесед у походных костров!

Более 5 миллионов юных туристов готовы отправиться в путь. Не гостями — молодыми хозяевами советской земли богатства природы, помогая взрослым в труде, обогащая свою память знаниями, закаляя здоровье.

Алые флаги уже взвились на мачтах городских и загородных, колхозных и межколхозных пионерских лагерей. Нынешним летом только в загородных лагерях отдохнут более 3 700 тысяч детей трудящихся.

На снимках, которые мы публикуем, запечатлены лишь отдельные моменты из жизни пионеров в лагере имени Зои Космодемьянской, близ станции Голицыно, Калининской железной дороги. Здесь, в живописнейшем уголке Подмосковья, отдыхают сотни детей рабочих и служащих. Их лагерные будни увлекательны... Задорно поют на зорях пионерские горны, зовут пытливых нехоженые тропы, звоние голоса будят тишину сумеречной, озаренных огнями походных костров. Еще краше и благоустроеннее станет лагерный стадион, который строят пионеры. Много новых радостей принесут юным ленинцам живые пионерские дела.

Здравствуй, пионерское лето!

— Тише, тише! Дернитесь крепче! — кричат с земли смельчанам... Да разве услышишь, если дух захватывает!

Много интересного расскажут своим друзьям эти исследователи речных глубин.

На трассе велокресса встретилась речушка...

Пioneры строят для себя стадион. «Пусть будут и трибуны для зрителей, как на настоящем стадионе»,—решили ребята.

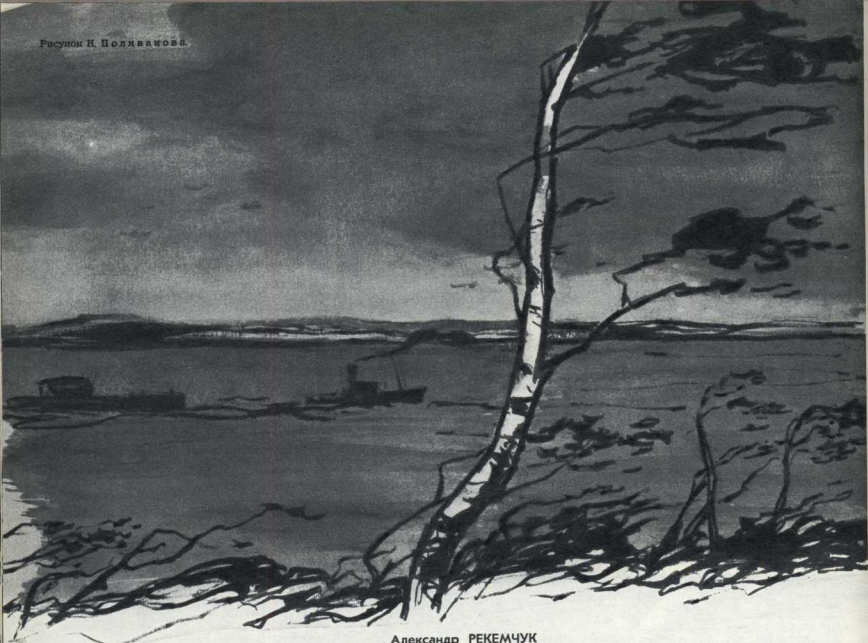
Не так легко заставить Мишну искупаться!

Звонкие голоса будят тишину синих нечей, озаренных огнями походных костров.

В лагерной «газани».

Александр РЕКЕМЧУК

ЗАПОВЕДНЫЕ МЕСТА

Рассказ

В печорской деревушке близ Пустозерска на девятнадцатом году жизни умерла бабушка. Родственников у нее не оказалось. В завещании, которое она заблаговременно отнесла в сельсовет, были следующие распоряжения: все имущество передать детскому дому, книги — избечитальне.

Из сундука извлекли древние книги на старославянском языке — параллель из телячьей кожи с застёжками, страницы желтые, как воск. Заведующий избей-читальней две ночи краду безуспешно пытался прочесть хотя бы страничку и в конце концов натерз отказался заприодовать подобную литературу: мало ли что там могло быть написано!

Отнесли книги в сельсовет и уже хотели употребить их на растопку печей, но председатель, бывший старшина, хозяйственный человек, не разрешил и отправил книги в областной центр. Оттуда их переслали в какой-то другой город.

Через месяц в сельсовет пришла телеграмма: ученый совет одного из ленинградских институтов выразил благодарность ушедшей бабушке за ценную находку. Книги оказались древнейшими списками «Сказания о голоде и неволе человека», «Жиздени московского купца Трифона Коробейникова на Ближний Восток» и «Повести об острове Муцормском».

Спустя некоторое время в окрестностях Пустозерска, Усть-Цильмы, Ижмы появилось

множество приезжих людей — вдохновенных охотников за древними рукописями. С одним из них судьба столкнула меня в столовой сельпо, где мы с Федором Никаноровичем, шофером райкомовского «газика», подкреплялись, проехав по бездорожью шестьдесят километров.

— Аксенов, аспирант, — откомендовался он. — Мне нужно попасть в село Моршюкино. Подвезете?

— Пожалуйста, — сказал Федор Никанорович, разглядывая нового попутчика. Аспирант был молод, худра, но уже с проплевшиной. Очки в модной широкой оправе. Вероятно, филолог. Аспиранты-филологи почему-то склонны преждевременно лысеть и обожают такие вот модные очки.

Через несколько минут мы уже тряслись в машине. Дорога в эту осеннюю пору была ужасна. Чтобы не застрять в залитой грязью колее, Федор Никанорович вел «газика» по обочине.

— У вас научная командировка? — спросил аспирант.

— Да. Ищу рукописные книги. По свежим следам. Надеюсь найти ранний список «Юлианы Лазаревской» — моя тема...

— Нашли что-нибудь интересное?

Мой попутчик рассмеялся.

— Почти весь район объехал. Стучался в каждый дом. Предлагают Радчищева, Некрасова, Твардовского. Один старичок принес стоп-

ку тетрадей. «Собственные мои сочинения, — говорит, — Больше нигде не найдете...»

— Взять!

— Нет.

— Напрасно. Здеешние края — заповедник былин и сказок.

— К сожалению, это не имеет отношения к моей диссертации. Кроме того, разве вы не читали последних статей профессора Колдунцава?

— Не читал, — честно признался я. — Интересные статьи!

— О, целое событие! Колдунцава ставят под сомнение существование современного устного народного творчества. Очень смелые статьи, блестящий полемический стиль!.. Между прочим, он заведует кафедрой в нашем институте.

Я хотел подробнее расспросить собеседника о переломе в науке, совершенном профессором Колдунцавым, но не успел: шофер резко затормозил.

Впереди на дороге стояла, поджав руку, старушка в широкой, полойной на колокол шубе-малыце.

— Санюк, — обратилась она к шоферу, — подвези меня до Моршюкиной деревни. Заплачу я.

— Садитесь, мамаша, — разрешил Федор Никанорович.

Старушка проворно протиснулась в дверцу

и, шельста обштой лянтами малшей, сена между гавантотом и мной.

— В тешоте — в обиде, говорят добрые люди,— зворювала она.— Теплее будет.

— Она была маленькая, как перепелка, и бы-строгазла.

Машина, ныряя в злы, с сердитым рычаньем выехала в гору. С вершины горы им увидели Печору, по-осеннему хмурую и поволодную. Шла шуга — серые льдинки, вестни-ки ледостава. Буксирный катер, весь обросший сосульками, тащил на зымовку в затоне пловца-добряка.

Справа расстилался холмистая тундра. Котле росли карликовые березы. Они еще не стянули последних листьев.

— Обратите внимание,— сказал аспирант, с мальчишеским интересом разглядывающий горы.— Здесь уже нет никаких деревьев, кроме этих крохотных берез. Поразительная живучесть!

— А это, милый человек, потому, что у березы нрав особый. Характер,— лукаво проглаго-ляла старушка.

— Характер? — Он за ее спиной подмигнул мне: «Забавная, мал, попалась бабка».— Какой же?

— А вот ты послушай... Давно ли дело было, сказывала мне? Стояла между собой четыре дерева: дуб, тополь, сосна и береза. Кто, значит, из них самый сильный. Тополь ростом своим выхлывался да стаяно. «Я,— го-ворит,— прям и высок, и силы во мне не меньше, чем у расту!» Дубом все кудряво-е тряхает, крутятся. Букава поламывает: «Я, мол, первый среди вас богатый. Я и ветру не кланяюсь!» А сосна распухла иголоч-ки: «Я все сильнее, и снова не боюсь: колю-чай! Я и зимой в одичке, не то что вы!»

— А Березонья белоглазая рядом сто-яла да ничего не сказала: скромная была... Старушка снова обвела нас глазами: слу-шаем ли? И продолжила:

— Тут поблиски они об заклад: кто даль-ше прокатит сумку? Сторуку выбирают, а какую иди им. Бросил тополь листок-пятачок — лег листок северной стороной. Бросил дуб свой лист резной — полетел лист к северо-югу. Сосна иголку-донышник кинула — тоже на север. И вот... Березонья не стаяла и не по-дала меня,— говорит,— все стороны одинако-во. Так и быть, пойду на север».

Идут. Мимо быстрых речной да мимо гор. Проведая порту Север-Батюшка, рассердился. Посылает на них тушу, помогающую со громами да котиками. Пошли на ту же стучи, котком дожди. Облетели с дуба кудри его молодиче, обломали ветки богатырские. «На могу»,— говорит,— дале иди. Помирать буди: про-сты!»

Пошли они дальше втроем. Насылает на них Север-Батюшка лютые ветры-сиверки. Озную не успел тополь-молодец: разломился, упал наземь — и ветки врозь. «Пройтаже,— го-ворит,— стрещи! Кончась».

Идут тихо вдуме. Пришли к Печоре-реке да к Печорской губе с пригубьями. Насылает на них Север-Батюшка злую вьюгу-падеуру. Поднялся ветерок мелочный. Задражили на сосне все иголочки. «Хоть и в шубе я,— го-ворит,— выдать не выдать. Подняла она на по-да и спрашивает Березку при последнем возды-зании: «Ка как ты, стрещица?»

Березонья белоглазая отвечает ей: «Ниче-го, держусь. Север — тоже земля русская. А где русская земля, там и мне, березке, стоять положено».

Вот и стоит по сей день — сдвинь попробуй! Старушка замолчала. И тут только я заме-тил, что аспирант, приютив на коленях блок-нот, торопливо писал. Заметила это и бабуся, удивленно подняла брови:

— Салок, да ты уж не из тех ли, что из Москвы за песнями ездят?

Аспирант растерянно заморгал:

— Видите ли, ... из Ленинграда.

— Из Ленинграда? — А с Колдунудым Серге-ем Афанасьевичем не знаком?

— Как же! — просиял аспирант. — Сергей Афанасьевич преподает в нашем институте. А вы с ним тоже знакомы?

— Был случай,— сухо ответила она.

Дальше мы ехали молча. Северные сумер-ки, густые и таинные, незаметно окурили нас. Почему-то стало быстро темнеть. Водя-ная машина буксовала в грязи и в тот момент,

когда за ветровым стеклом мелькнули ноги Морощина с своим авиаконструктором Чавка Башмама-ми, мы пошли в село, оставив у машины одио-го Федора Никаноровича.

Навстречу, на свет фар, уже бежали люди! — Кто из вас товарищ лектор?

— Я представляю вам авиаконструкторскую организацию и попросил присудить людей к за-решившей машине.

— Найдем охотников,— бодро ответил он. Добравшись до селения, мы распорядились со старушкой и двинулись к клубу.

Лекцию я читал на атеистическую тему. Мо-лодые знали случаи, наверно зная, что Бога нет. Но пожимая и старик слушали внима-тельно: эти края были когда-то обителью рас-кольников, презиравших обряды, но больших любителей порассудать о божественном...

После лекции был концерт художественной самодеятельности. Два номера этого концер-та мне особо запомнились.

Вышли пять девушек. У каждой косы до пят. Теплые ветухи на щеках. Плавные росчерки бровей. Ума не приложу, в каких за-ветных сумках хранились парничье, на лисье-е частушки и кокончики двусотлетней давности, в которые были наряжены де-вушки.

— Заметьте крайнюю слева,— шепнул мне на ухо сидевший рядом секретарь.— Алек-сандра Морощина. Участковый зоотехник. Частушки вторю премию на областном смотре аэлла.

Как им странно, мотив частушек был пе-вален, протяжен, забуч. Одна подруга вы-водила зачин, а потом очень долго, на одной ноте тренькала балалаку, будто затем, чтобы дать ритм второй подруге продумать ответ. Но грустная мелодия лишь подчеркивала озорной, лукавый смысл слов.

После каждого куплета зал содрогался от смеха. Не улыбались только исполнители,ци-нично и строгий и невозмутимый вид, и мой сосед-аспирант, что хватался за блокнот, но заверженно смотрел на крайнюю из краси-вых — Сашу Морощину...

Потом на сцену вышла старушка, в кото-рой я сразу узнал нашу попутчицу. Ей при-несли восторженный и восторженный ответ.

— Кто такая? — спросил я секретаря.

— Морощина, Пелагея Романовна.

— Мать Александры?

— Бабка. У нас, между прочим, в деревне все Морощины.

В зале воцарилась благоговейная тишина. Казалось, все готовились к необычайному.

— Не по-доброму булвный ветер везет.

Налетает он вихрем перелетным.

Засыплет лютый поволокухой.

начала хрипловато, низким голосом Пелагея Романовна, как будто брала разбег. Сядье брови ее сдвинулись к переносице, открытая складка пересекла лоб и скрылась под ластя-кой носа, чуть шевелились, будто ощущая-ли какое слово:

— Не с прутья она злобится недугу: Не по соруду мы наша сть-дирочка.

— Не по разуму наше добруемя...

Я оглянулся. Лица у всех слушателей выра-жали сосредоточенное внимание. Но особенно поразило меня поведение старух: они слу-шали строго поджав рты, оценивающим, профессиональным интересом. Признаться, я прежде не очень-то верил призывам из ко-мандировоч товарищам, которые утвержда-ли, будто в здешних местах под каждой кра-шей рождается сказка. Но теперь это не вы-зывало у меня сомнений...

Голос сказительницы постепенно становился звонким, как колокольная медь. Она говорила быстрый, напряженный. Смотрела куда-то по-верх зала. Я заметил, как слегка дурадо-е коричневые руки, сложенные на коленах.

— Нам си булвных ветров тора мой маю, Мосьня-матюшка слышала видела. Мосьня-матюшка слышала не боится, красное златою не боится, не боится: — Не такие мы выдры видды! Не от этих бурх устоим! I.

Когда концерт окончился, Пелагея Романов-на пригласила меня переночевать.

— Не обижай старую,— говорила она мне,— и студеной руки и шофера. Ибаа наша про-сторная...

В доме у Пелагеи Романовны не было осо-бого уюта: стены бревенчатые, полаты, низкий потолок, к нему прибит изогнутый упругий шест с плетеной изюной, бакошавшей, веро-ятно, на одно поколение Морощиных. Ста-вола полка с книгами, резная тумбочка с телефоном и зеркальцем, должно быть, хозяйство Александров.

В огромной, как парокход, печи полыхал огонь. На стол выставили оленину, квашеную капусту, картошку.

Вошла Александра. Видимо, смущенная на-шим присутствием, она слишком долго воро-чала дрова в печь, переставляла без надобно-сти скамьи, отрывала салфетки, ни разу не взглянув на нас. Мы тоже замолчали, наблю-дая за ее движениями, таким же легким и плавными, как отсветы пламени на стекле.

Наконец она выпрямилась и коротко гла-вную на нас, тоном, не на нас, а за аспиранта.

— Садитесь ужинать.

За столом выпили по стопке. Александра пи-ла маленькими, деликатными глотками, как обычно пьет вино.

Аспирант по-мальчишески раскраснелся, на-лил себе вторую стопку, встал и провозгласил:

— За ваше здоровье, Саша!

— Она улыбнулась. Ответила певуче, но без лукавства:

— Спасибо. А куда мне его, здоровье, де-вать? Лучше за свое выпейте: в дороге-то, не-бось, протыли...

— Саша, где вы учились? — поинтересова-лся я.

— В Икиме.

— Работаете в колхозе?

— В колхозе. Только не в морощинском, а в «Кановеве» — есть тут какой-то некий колхоз.

— Отчего же не в морощинском!

— У меня раньше только оленя были, а теперь молочная ферма. Доить меня еще не умеют. Учим...

Я взглянул на ее руки: цвет их был иной, чем цвет лица и шеи,— почти багровый. На ладонях виднелись мозоли. Девушка перехвати-ла мой взгляд, но рук со скатерти не убрала.

— Пелагея Романовна, скажите,— все более оживлялся аспирант,— откуда вы знаете профессора Колдунцова?

— Понаслышке,— отрезала она и нахмури-лась.

— Ваш сказ — чудо! — с чувством продол-жал молодой человек.— Хочу записать. По-зволиете?

— Записи, коли сумеешь.

— А вы истрематили?

— Как так истрематили! — обиделась Пелагея Романовна. — С тридцатого года сама си-новьям письма пишу. Да ведь письма писанная от песни сказанной разнятся. Один ее на бук-важю кладет, другой в уме держит. Не вся гармонично по имени и играет!

— Разумеется,— протянул аспирант.— Од-нако жанр импровизации... Впрочем... Хотелось бы в этом разобраться самому... Но куда денешь Юльку Лазаревскую? Меня с ней связывает слишком много. Три года...

— Он пошел к маме и начал играть!

— А курить в избе грам. Староверы мы... Но, покосившись на меня, видимо, вспомнил о сегодняшней лекции и поспланил: — Сачет курева.

Аспирант поднялся из-за стола и вышел. В сенях он долго гомонил задничкой и что-то опронурил.

— Помоги ему отпереть, Саня,— приказала Пелагея Романовна.

Александра нагнула платок и высочилась за дверь.

Оригинале отблески на стенах теперь про-розвели. Треск поленьев раздавался все ре-же. Федор Никанорович уже дремал, прило-жившись к стене.

Мы помолчали.

Хотелось ли вам работа, сынок,— заго-ворила Пелагея Романовна.— С пинами спорить, в попов не трогать... Вреде сорования.

— Похоже,— не держал я усмешки.— При-чем кое-где попы свою работу лучше органи-зовывают, чем культипросветители.

— И то правда. В соседнем селе кул-турный год на замке, избач в чайную опре-

1 Автор этих строк — писательница саянскоязыч-ная М. Р. Голубицина. (Прим. авт.)

делился, а отец Митрофан с утра до ночи народ просвещает...

— Пелагея Романовна, а откуда вы все-таки знаете профессора Колдунцова?

Она вздохнула, поднялась и пошла к печи закрывать трубу.

— Я Сергея Афанасьевича помню молодым — лет тридцать назад дело было. Приехал он в Моршанско помню да причитания записывать. Пересказала я ему все, что от матери слышала. Послушал Колдунцов, поцеловал меня, старую, и говорит: «Да вы клад драгоценный, Пелагея Романовна...» После я ему много новых песен пела. Все записывал. Приезжал, показывал газеты да книги, где все это было пропечатано. Один раз пятсот рублей привез. «Ваши», — говорит, — Пелагея Романовна, заработанные». Потом возил меня в Ленинград, в академию. На Лену записывали...

Она вернулась к столу, собрала посуду, смела крошки в тарелку.

— Потом рожал стар призывать. «Работы», — говорит, — много. Студентам лекции читаю. Подородник басом разговаривает... Один раз приносит мне газету; смотри, мол, Пелагея Романовна, твой сказ напечатан. Поглядела — ахнула: лет пятнадцать назад записал его от меня Колдунцов, про спасение челюскинцев. А теперь мои слова повыкинул, свои вставил, вышло про летчика, который на войне погиб. А ведь у меня самой...

Голос Пелагеи Романовны дрогнул. Она ушла в другую комнату, принесла фотографию, на которой улыбался курносый юноша в курсентских погонах.

— Васенька, сынок младший. Погиб он. Военный летчик...

Положила фотографию перед собой. Вытерла глаза.

— О нем я плакала — из груди слова рвала, кровью ослабленные. А тут старое, да назикну вывернуто. Как денга фальшивая. Никогда того не прощу Сергею Афанасьевичу Колдунцову!

В ее голосе чувствовалась ныпика, но твердая обиды — та, что другой обид долговечной.

— Да и то сказать: к хорошему делу сто человек руки приложат, а сто разев рук полегает. Всяко бывает...

Помолчала, она будто спохватилась: — Поди, сынок, молодежь в избу загони. Час поздний.

Я вышел. Ночь была не по-осеннему теплая. Во мгле клубилась влага. Казалось, сырые и темные облака ползли прямо по земле. В густом тумане приглушенной звучали голоса, отмененные огнем парисосы.

— Я понимаю, глупо, конечно... — говорил аспирант. — Но, может быть, я действительно в вас влюблен!

— А может быть, лишнего вымыли? — Не знаю... Говорят, любовь с первого взгляда — мальчишество. Но в литературе подобные факты встречаются: например, Ромео и Джульетта... Впрочем, я вернулся сюда. Нужно во многом разобраться...

— А как же Юля? — тихо спросила Саша.

— Какая Юля?

— Та, которую за столом поминали...

— Ах, Юлиания? Но ведь это, так сказать, персонаж... Кроме того, очень немолода — почти четыреста лет... Когда-нибудь, Саша, я вам расскажу о ней.

— Хорошо...

Они прошли в избу, не заметив меня.

Утром мы увидели аспиранта уже в машине. Лидо его выражало мрачную решимость.

— Куда теперь путь держит? — спросил я, когда машина тронулась.

— В Ленинград. Подбросьте, пожалуйста, до станции.

— Меняете маршрут? Или тему диссертации?

— Не знаю. Ничего не знаю... Нужно разобраться.

Подморозило. В ясной синеве неба небереливо высоту солнца. Навстречу нам летел по серебристому инею простор. Вглядываясь в него, я невольно подумал: «Как ты красива и благодатна, русская земля!»

г. Ухта.

РОДНЫЕ ДАЛИ

Первое стихотворение Павла Кудрявцева было опубликовано сорок лет назад в кишиневской газете «Прилужская правда». Тогда поэту было 16 лет. В последующие годы стихи Павла Кудрявцева появляются на страницах московских и центральных газет и журналов, в заводских много-много...

Творчество П. Кудрявцева проникнуто глубоким уважением к людям труда. Многие стихи поэта посвящены молодежи, Ленинскому комсомолу.

Особенно близка П. Кудрявцев тема родной природы. В этом номере мы публикуем несколько стихотворений из лирической тетради поэта.

ПЕРВАЯ ВЕСНА

Нагрелось солнце докрасна,
Зазеленел кленов ветик...
Пришла к нам Первая Весна
Великой Первой Семилетки!

На комсомольской целине
Друг другу тихо шепчут всходы:
— Мы хлеб такой дадим стране,
Что воссият все народы!

Гора, руду в себе тая,
Вдохнув, сказала людям скромно:
— Пускай я слышца моя
По комсомольски летит домам.

И где солнце говорит,
Сняв празднично в зените:
— Пускай не зря мой члв горит,
Мою энергию берите!

И ты, мой юный друг и брат,
Ответь, чтоб знала вся Отчизна,
Какой ценой несешь ты вклад
В святое дело Коммунизма.

ОНА БЫТЬ РАМНОЕ ОБЕЩАЛА...

Она быть ранней обещала...
И вот уже дымит земля:
Весна берет свое начало
В последних числах февраля.

Она уже не за горами,
Ударит первый гром с небес —
Своими хвойными усами
Зашевелит еловый лес.

Весна уже заговорила
Ручьями в полдень. И трава,
Сквозь лед пробившись, предьявила
Свои зеленые права.

В пути линейки санн едут
И отдохнуть уже хотят.
По их наезженному следу
Ручья веселые журчат.

Вода вскипает, и в стремнинях
Несется, радостная, вскачь,
И вапано, как на мнемнинах,
В полях расквашивает грач.

Все разом оживло в природе
И встало дружно ото сна,
Но так размышисто приходит
Лишь наша русская весна!

ВЕСЕННИЙ ПЕЙЗАЖ

...Видит солнышко вочичю,
Как водой шалит апрель
И как ставит моточичю
В полдень звонкая капель...

Предъявив змич претензию,
Торпливо под горой
Ручеек строчит рецензию
По бумажке снеговой...
И, глядясь, пошла дорожная
У шиферов кантели,
Под машинной грязью, похожая
На вскипающую кисель...

Но она пройдет со временем,
Уберет следы свои...
Запорт в саду сиреневом
Озорные соловьи!

МАЯ

Как на мрку,
Поют скворцы,
Справаля дружно новоселье
[Вот-вот появятся птенцы],
И мне понятию их веселье.

На наше всходит зеленя,
И даль ясна,
И брезжит поле,
И тиает странствовать меня
Родное русское раздолье...

А на столе — сирень,
Вдыхай
Весь аромат ее цветенья:
С ней вместе в дом вселялся май
И подсказал стихотворенья.

ЛЕСНОЙ РУЧЕЙ

Где дремлет хвоя, где ни хаты,
Где земляника да грибы,
Где треск стонет, когда косматый
Встает сердито на дыбы,

Течет ручей, он к морю в гости
Бегит за тридевять земель,
Через него легла, как мостик,
Грозною срубленная ель.

К нему спешит усталый луптвик
В горячий полдень отдохнуть
И на глазах у незаблудок
Живой воды хоть раз глотнуть...

Ручей тот многих в жар несносный
Спалас от жажды, чуть журча,
Не только звери, даже сосны
Тапнули лапы в снью ручья.

...В июльсий зной,
Под снегом луптвиком
Он анго-много лет течет,
Но мне все кажется он юным,
И намуравшившимся еще.

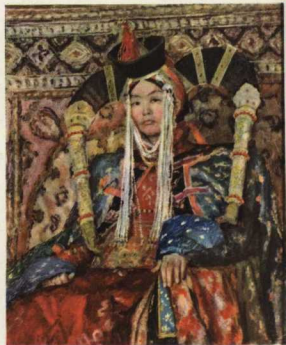
Г. Иссский. Зеленая дорога.
Выставка «Наш современник».

Цэвэгжав Очирын. Бой жеребцов.

Чултэм Нямосорын. Туча.

Чултэм Нямосорын,

Монголица в национальной одежде.

Выставка произведений изобразительного искусства социалистических стран.

СЛУЧАЙ В МУХТО

В субботу старший геолог нефтеразведки в Мухто Харитон Дакович Цаков отдал распоряжение:

— Транспортикам выделить трактор на Кодаляню, доставить ребятшкин к поезду. Киномеханик тоже соберал, пусть едет.

Поздно вечером у клуба остановился гусеничный трактор с железными санями. В будку, установленную на санях и обтянутую брезентом, забрался мальчишка и девчонка — полтора десятка горластых ребят, учеников школы-интерната. Сладко сели взрослые: кино-механик Геннадий Валиев и помощник бурьяльщика Адам Кузич. Зарокот дагиватель, поезд тронулся. Сани то поднимались вверх, то с удивом летели вниз.

Ребята, крепко держась за скамейки, весело болтали. Они привыкли к трактору так же, как городские школьники к автобусу.

— Кодаляня! — крикнул наконец кино-механик.

Трактор остановился, и ребята, размяв ноги, стали выходить из будки.

— Ну и бурял! — удивилась одна из старшеклассиц, поворачиваясь спиной к ветру. Все засмеялись. Их стачки — одностороннему движению линии тасколейки; толпа валенками, гусьбой авалились в небольшую комочку — зал олимпиа. Навстречу им вышел железнодорожник.

— Не будет сегодня поезда, — сказал он. С Пилатуя сообщают, что не выпустят. Пургал!

Киномеханик чертыхнулся, помощник бурьяльщика крикнул, тракторист Иван Кукарский сказал:

— Давай, ребята, грейся веселей! Поедем обратно.

Путь назад оказался еще труднее. Все вокруг тоило во мгле, фары трактора выхватывали из мрака только стремительно несущиеся навстречу клубы снега, ребята сидели крепко держась за скамейки, толпая ногами и пели.

На полпути трактор неожиданно заглох. В дверном проеме показался фигура тракториста.

— Кузич, ты где!

Варслые сгрудились у выхода. До ребят доносились только обрывки разговора. Потом Кузич повернулся к школьникам и бодро сказал:

— Ребята, трактор забарахлил. Мы с кино-механиком пойдем в поселок, скажем, кто вылезать прислать другой. Из будки никто не вылезать. Понятно?

Вот они, вырванные из бед ребитшкин...

— Понятно... — тихо ответил кто-то из девочек.

Через четверть часа в будку ала тракторист, весь залегленный снегом. В руках у него была касторка, наполненная газолем. Вскоре ребята уясили у жаркого огня. Копоть жадно лизала черными языками брезентовый потолок.

— До поселка было всего семь километров. Семь километров, семь тысяч метров — пустиковое расстояние! Можно было даже проехать в случае нужды. Но только не тогда, когда пурга летела навстречу, слепила глаза, сбивала с ног... Каждый шаг приходилось брать с боя. А дойти нужно было обязательно, потому что за спиной остались дети...

Семь километров... Помощник бурьяльщика и киномеханик шли всю ночь. Только в четыре часа утра Кузич привалился к обмерзшей стене дома и постучал в окно спасать надо!

Тревожно зазвонил телефонный звонок в комнате старшего геолога.

— Что? Дети!! — Старший геолог почувствовал себя так, словно его погрузили в ледяную ванну. — Дайте трубку сторожу! Сидиштел! Немедленно поднимайте парторга, механика гаража, тракториста!

Через пять минут вместе с парторгом он бежал к дому, где жили трактористы. У входа стояла машина Аполлона Дроздова.

— Удался! Сразу же можно завести! — крикнул парторгу старший геолог и распахнул дверь.

Свет электрического фонарика осветил фигуру человека, лежавшего на койке у выхода.

— Дайте трубку сторожу! Дайте! Тракторист заворачался, вытер рукой рот.

— Никуда не поеду.

— Ты понимаешь, что говоришь!

— Не мо дело... — глухо ответил Дроздов и отшатнулся к стене.

Сидя на соседней койке, тракторист Владимир Дарюнин точными, спортивными движениями наматывая на ноги портянки. Через снежные стругбы уже пробирался к гаражу тракторист Александр Полков, Владимир Латышев, дизелист Игорь Богданов.

Завести трактор в мороз — трудное дело. А пустить двигатель в пургу, когда скорость ветра достигает сорока метров в секунду, — почти невыполнимая задача. Это знают не только трактористы.

В деревянном боксе, служащем для ремонта, Александр Полков зажег большой факел. Но едва он шагнул за ворота, как ветер погна-

Тракторист Владимир Дарюнин.

сил плава. Тогда тракторист вернулся в бокс, схватил ведро, в котором горели пропитанные тракторным топливом бумажные концы, и бросился наружу. «С-80», наверное, никогда не видел такого «подогрева». Языки пламени гудели, между тускнущими, охватывали кабину. Рядом возлился со своими механиком Дарюнин и Латышев.

Первым заработал трактор Дарюнина. В кабину забрался Игорь Богданов с тупином в руках. Машина разворочилась и двинулась вперед, тащя белую стену лумачи фар. Через четверть часа двинулся Полков.

...Помощь была получена в ту минуту, когда в поочеревей касторке догорали остатки газолем. Будка вдруг осветилась светом фар. Кто-то крикнул старухи:

- Члать все!
- Все! — ответили ребята.
- Обморозенных нешт!

Богданов быстро прицепил будку к трактору Полкова. Победно заревел двигатель, и скрип снега под полами отдался в ребячьих ушах чудесной музыкой.

А потом была встреча в поселке — со слезами радости и со смехом: родители не узнавали своих детей. Трактор уезжал ребитшкин истинными, вымытыми, а привез маленьких негрятя, покрытых хлопьями жирной сажи.

На следующий день небо сияло спокойной лазурью, и в поселке было слышно, как рычат дизели на буровой. Никто не говорил ни о «подогре», ни о «героях». Нефтеразведка жила обычной трудовой жизнью.

Но только в доме у трактористов стало одним жильцом меньше: ушел Аполлон Дроздов. И если сейчас вы спросите у любого обитателя поселка, что же за человек был Дроздов, то прежде, чем ответить, он будет долго морщить лоб. «Черт его знает, что за человек... Ах, да! Был такой случай: однажды он отказался вырнуть ребит, попавших в будку... Значит, плохой человек».

Вот и все.
О. САХАЛИН, Оханский район.

И. ЛИСОЧКИН

МОЛОДОЕ ИСКУССТВО

Яркие, самобытные произведения художников и скульпторов Монгольской Республики недавно широко заговорились тебе, кто побывал на Выставке изобразительного искусства социалистических стран в Москве. Живописцы полтама Т. Ордона, Л. Гава, О. Цэвэгжав, Ц. Будбаазра, Н. Чутлага, Ц. Мацавара, У. Даваасурина, А. Даваадарна, скульпторы Д. Дамдинял (назвур), А. Ярбуца, Б. Буряний) свои собственные ясность и простота завлели, выходящие за пределы Монголии мастера изображают жизнь своего народа в трудовых буднях и борьбе, в радостях и заботах, не упрощая и не схематизируя действительности. Лучшие произведения проникнуты глубокой любовью к создателям и своей родине, духом героини сегодняшнего

дня — воспевают ли они исторические революционные битвы, народные подвиги, воспевают ли родные ландшафты, величественные степи. Лафос, романтическая живопись сочетается здесь с смелою ориентальностью, народному искусству Монголии. Современное искусство Монголии есть очень молодо. Оно результат великих преобразований, происшедших за 38 лет существования Монгольской Республики. Монгольские живописцы и скульпторы — представители социалистической партии и при братской помощи Советского Союза сумели превратить в исторический критический строн бытовую многообразием, стабильность и в настоящее время самоотверженно трудятся над осуществлением задач построения социализма в своей стране. Благодаря этому в Монгольской Народной Республике

неуклонно развиваются промышленность, современные средства транспорта и связи, народное просвещение, здравоохранение, наука, культура и искусство. Это привнесло национальные традиции, мастера монгольского искусства неустанно ищут новые формы художественного изображения, соответствующие новому, революционному содержанию жизни и борьбы монгольского народа за социализм. Успехи в подлинно-национальных выделительно-художественных формах, характерных для этого трудного творчества, не погна, который уже сейчас обогащает современную национальную культуру Монголии новыми, оригинальными произведениями социалистического реализма. На выезде этого номера публикуются три репродукции из картин художников Ц. Цэвэгжава и Н. Чутлага.

СКУЧАТЬ НЕКОГДА

Фото М. Муразова.

Однажды молоденькая девушка жаловалась своей знакомой:

— Опять не прошла по конкурсу! Придется еще год без дела сидеть...

— А работать и учиться заочно ты не хочешь?

Девушка усмехнулась и стала говорить о том, что она не понимает, как можно в двадцать лет забыть обо всем, кроме работы

и учебников, отказаться от танцев, театра, вечеринок...

— Разве это жизнь? Скука! Я вспомнила об этом разговоре, познакомившись с Валей Лисицкой, радиоператором Центральной телеграфа, жизнерадостной девушкой с чудесными синими глазами. Ей чуть побольше двадцати, но работает она уже три года и учится на втором курсе заочного отделения Электротехни-

ческого института связи. Вала не испугалась «скудной» жизни, которую так боялась молоденькая девушка, не прошедшая по конкурсу...

— Трудно ли совмещать работу с учебой? — задумчиво повторила Вала мой вопрос. — Даже не знаю, что и ответить. Для меня эти два понятия как-то сливаются в одно, только здесь практика, а в институте — теория. Пока что у меня

вроде и не очень-то интересные обязанности: принимаю по радиотелеграфу статьи, информации, телеграммы. Но работа эта нравится мне потому, что постоянно приходится иметь дело с аппаратурой: я еще в школе увлекалась физикой. Сейчас наша связь все время совершенствуется. Иной раз увидишь новую лампу, захочешь определить ее устройство и назначение, но не можешь: знаний не хватает. А в институте мы будем изучать все это очень подробно. Вот и получается, что работа помогает учебе, а учеба — работе. Между прочим, в нашей группе тринадцать человек, и все учатся...

Я спрашиваю Валу, чем она занимается после работы.

— Сегодня, например, еду к пяти часам в морской клуб ДОСААФ, потом — в институт.

— Когда же ты отдыхаешь?

— Спорт — это тоже отдых, — улыбается Вала. Река, свежий воздух, солнце... Что может быть лучше?

Выясняется, что Вала имеет разряд по парашютному спорту и лыжам, увлекается легкой атлетикой и гимнастикой.

Больше нам поговорить не удается. Вала, у радиоператора напряженная, приходится экономить каждую минуту. Вала приглашает меня к себе домой:

— Посмотрите нашу новую квартиру!

Живет она в Юго-Западном районе Москвы. Дома здесь совсем молодые, просторные, солнечные. Вокруг еще продолжается стройка, но возле высаживенных деревьев уже шумят малыши, самое юное население молодого города.

Комната Вали еще «не обжита», но чистенькая, уютная. На полках и этажерке стопки книг, среди которых несколько томов Николая Некрасова. Вала признается, что не только любит читать, но и сама пишет стихи и рассказы. «Правда, пока лишь для себя и друзей...» Как-то незаметно разговор переходит на театр, и тут я узнаю, что моя собеседница и тому же еще и артистка, настоящая звезда в своем драматическом коллективе. Ей уже приходилось быть и Золушкой, и Синюшкой, и Татьяной в «Врагах», и даже молодым барином Андреем в «Барыне-крестьянке»... В работе над ролями большую помощь оказывает кружковцам замечательный гример Николай Федорович Коршунов, которому случалось гримировать самого Шаляпина, и, конечно, их режиссер Лев Николаевич Иванов.

Я спрашиваю, как удается ей находить время и на учебу, и на стихи, и на спорт, и на занятия в драмколлективе, и для общественной работы (недавно комсомольцы избрали ее своим комсоргом).

— Сама не знаю, — пожимает плечами Вала. — Вокруг так много интересного, что я просто не в силах от чего-либо отказаться. Вот и приходится звезде успевать...

Вала смеется, и, глядя на нее, я вспоминаю жалобу молоденькой девушки, не сдавшей экзаменов в институт.

Как было бы хорошо, если бы на пути той «неудачницы» попадались побольше вот таких юнгаловых ровесниц, которых некогда скучать!

Валентине удается находить время и на спорт, и на учебу в институте, и на занятия в драмколлективе...

Юлия ИВАНОВА

Перед Венским фестивалем

Н. ПАНКОВ,
ответственный секретарь Комитета
молодежных организаций СССР

Нет, пожалуй, такого уголка на земном шаре, куда бы не проникли благородные идеи фестиваля. Тысячи двести молодежных организаций в 110 странах деятельно готовятся к празднику юности. Множество писем поступает в эти дни Международной подготовительный комитет в Вене. Книжки только марок и почтовых штампов не увидишь на конвертах: Пекин и Бомбей, Бухарест и Сан-Яго, Нью-Йорк и Аккра, Токио и Прага, Варшава и Эрзинбург, Париж и Багдад... «Мы решили показать в Вене народное искусство нашей родины», — сообщают члены Конгресса национальной ассоциации студентов Камеруна. «Молодые рационализаторы нашего предприятия взяли на

Большой венский стадион. Здесь 26 июля 1959 года взойдет флаг VII Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

себя обязательство в честь фестиваля сэкономить для народа 25 000 крон», — пишет группа молодых рабочих Тесловского завода имени Юлиуса Фучика. «Мы, добровольцы революционной армии, желаем принять участие в радостном празднике молодежи», — говорится в письме, которое подписали 40 юных патриотов Кубы.

Сотни, тысячи писем... Слово голуби, летит они в столицу Австрии. И каждое письмо проникает мыслью о мире и дружбе, радостным ожиданием новых интересных встреч.

«Некоторые из нас, возможно, поедут в Вену», — пишут молодые рабочие Москвы, — и мы очень хотели бы снова увидеть тех, с кем подружился на Московском фестивале. Мы хотели бы встретить также новых друзей —

рабочих из разных стран, — встретить и крепко пожать им руки».

Активно готовятся к фестивалю советская молодежь. В больших и малых городах страны, в целинных совхозах и на гигантских стройках семилетки, в колхозах и на промышленных предприятиях юноши и девушки участвуют в смотрах самодеятельности, разучивают новые песни и танцы. Своё искусство они покажут дорогим гостям из Китая, Финляндии, Кореи, Народной Демократической Республики, Индии, Вьетнама, Монголии и многим другим молодежным делегациям, чей путь на Венский фестиваль лежит через нашу страну.

Молодые художники, ваятели, вышивальщицы — сотни народных умельцев с Большой любовью готовят посланцам мира и дружбы памятные подарки.

В Советском подготовительном комитете сейчас особенно горячая пора. Ведь до фестиваля осталось всего несколько недель! Уже закончился отбор самодеятельных коллективов и солистов, которые поедут в Вену. Юноши и девушки из 15 союзных республик примут участие в национальных концертах. Они познакомят зарубежных сверстников и жителей австрийской столицы с солнечным, жизнеутверждающим искусством народов Советского Союза. В городе, где впервые зазвучали бессмертные вальсы Штрауса, зазвучат советские песни. И над голубым Дунаем они сольются с песнями всех народов земли, как торжествующий гимн миру.

Венский фестиваль... К нему, седьмому по счету великому смотрю юности, устремлены души и сердца миллионов парней и девушек. Его приветствуют простые люди многих стран, мечтающие о мире. Но есть еще такие силы на земле, которые ненавидят все светлое, все, что способно принести людям радость и вселить в них веру в будущее. Это борборники «холодной войны», сторонники агрессивной политики, пытающиеся внести раскол в ряды прогрессивно настроенной молодежи. Против фестиваля выступают, в частности, католические молодежные организации в самой Австрии. Но реакционные силы получают должный отпор. Так, например, было в Вене, где на многолюдном митинге, посвященном VII фестивалю, молодые рабочие, студенты и служащие с гневом осудили раскольнические действия послушных исполнителей воли врагов мира.

Рисунки
Е. Ключевской.

В единодушно принятом воззвании участников митинга говорилось: «Противники фестиваля, которые уже не один раз выступили против мира и взаимопонимания народов, пытаются сорвать предстоящую встречу молодежи. Такие действия заслуживают осуждения...»

Мы приветствуем VII Всемирный фестиваль молодежи и студентов и горячо поддерживаем его...

Светлые идеи фестиваля восторжествуют. 26 июля на Большом стадионе в Вене под звуки фанфар откроется великий праздник юности. Вместе с посланцами многих стран мира мимо переломленных трибун пройдут 800 юношей и девушек Советского Союза. Под голубым небом будет гордо развеваться флаг знамя нашего государства. И тысячи белоснежных голубей, вспугнутых громом рукоплесканий, взойдут над зеленой чащей стадиона.

Они поедут в Вену

Поехать в Вену на фестивал — что может быть заманчивой!.. И не потому ли, выступая перед требовательным жюри, исполнители так волнуются. Ведь претендентов очень много. И, надо сказать, не менее талантливых...

Юноши и девушки, которых вы видите на этих снимках, приехали в столицу ГДР из Дрездена, Герлицца, Веймара и других городов республики. В своем большинстве это молодые артисты балета, пока еще неизвестные широкой публике. Но одно несомненно: хореографическое искусство — их призвание. С каким темпераментом исполняет балетная группа Дрезденского городского театра жизнерадостный, солнечный танец «Молодость»! Сколько подлинного драматизма в хореографических этюдах «Страх» и «Бухенвальд—43», асценирующих в памяти ирачные времена фашистского разгрома и напоминающих о том, что в западной части Германии вновь пробуждаются черные силы нацизма! Эти эмоциональные, впечатляющие балетные сцены зовут к бдительности, вселяют в сердца чувство нинаности и трагизма мира, к тем, кто пытался разжечь пламя третьей мировой войны...

То, что продемонстрировали на берлинском смотре юноши и девушки из Дрездена, Герлицца и Веймара, представляет большой интерес. Можно не сомневаться: участники Венского фестиваля по достоинству оценят искусство молодых исполнителей нашей республики.

г. Верный.

Е. К.

Прекрасно передает молодая актриса Ингрид Фельдман радость человека, который после мучительного рабства обрел свободу.

Солнсты дрезденской балетной студии исполняют хореографический этюд «Литтл-Ронс».

«Молодость» — так называется этот жизнерадостный, стремительный танец...

Критика и библиография

«Это вам, романтики»

О том, как создавалась эта книжка очерков, выпущенная издательством «Советская Россия», ее автор, В. Чачин, сам рассказал в коротком предисловии. Ездил, летал, плавал, встречался с рядовыми, скромными тружениками и писал о них, желая сказать им от всей души: «Смотрите, какие вы романтики, какие вы замечательные люди!»

Книжку открывает очерк «Арбат мой земля моя». Героем его является сам автор. Очень живо, тепло описана жизнь пареняка с Арбата. Босоногом мальчуганом, затаяв дыхание, смотрел он фильм о броненосце «Потемкин», а потом, в грозный сорочный перынь, прошел по родному Арбату в рядах комсомольского батальона... Автобиографический очерк придает особое объяснение всей книжке. У автора была такая же юность, как и у его героев — рабочих ребят, их искренне любит их, глубоко понимает их мысли и чувства.

Романтика любого, пусть даже самого скромного труда, основана на сознании государственной важности, значимости дела. Этой мыслью пронизан очерк «Эх, выборская заводская...». Два заводских друга — два сансара Семен и Юра, окончив ремесленное училище в Ленинграде, приехали работать на ничем не знаменитую станцию Лянгасово, Горьковской железной дороги. Другая дружина. Какая уж тут романтика!.. Но вот как-то вечером они возвращались из депо в общежитие с Сергеем Макаровым, лучшим сансаром депо. Как бы невзначай, Сережа завел разговор об их профессии, о важности их работы. «Выходит, без нас, железнодорожников», — говорит он, — страна как человек без крови. Значит, даже твои выборские без лянгасовских ничего не сделают. И получается, что ты, Семен Отарков, есть государственной важности человек.

Короткий разговор не прошел бесследно для новичков, которые уже водили пальцами по географической карте, разыскивая место повторения. И не случайно однажды Юра урядкой написал мелом на вагоне, отремонтированном руками друзей: «Делал Сея Отарков, государственной важности человек»...

Государственной важности людям чувствуют себя герои и других очерков — старый монтажник Яков Тарасович, исколесивший всю страну («Перелетные птицы»), капитан речного парохода с Северной Двины («В добрый час, штурман»), фантазер Мишка из Брянского ремесленного училища («Мишкина сказка»).

Очерки Владимира Чачина отличаются характерная манера повествования, в которой авторская речь как бы сливается с внутренним монологом героя. В книжке немало метких и выразительных деталей. Например, чтобы передать ощущение страха, которое незлобно испытывает паренек, впервые попавший в шахту, В. Чачин пишет: «Васька, впопыха чувствовал, как шуршащей змеей скользили по его каскетке провода». А вот какой зримый, запоминающийся

образ использует он при описании Владивостокского порта: «Океанские пароды расплашули свои тумы, и туда осторожно заглядывали любопытные головы подслепых крадучих». Хочется пожелать В. Чачину, способному молодому очеркисту, успеха в работе над новыми книжками, и, быть может, не только очерками.

А. ШАМАРО

«Цена счастья»

Люди, строя завтрашнее счастье, Не должны о прошлом забывать...

Эти строки определяют в основном содержание вышедшего в Харьковском издательстве молодого поэта Романа Левина, фрезеровщика одного из харьковских заводов.

Будучи еще подростком, Роман Левин пережил все ужасы фашистского нашествия: разорение родного дома, смерть близких, скитания по чужбине. Но невзгоды не сломили его, напротив, они пробудили в нем неистребимую любовь к жизни, и это легко понять: тот, кто на себе испытал кошмар войны, по-особенному чутко воспринимает «оглушающую» тишину читального зала. Для него нет выше наслаждения, чем видеть «красоту завидную обоченных земель». Как никто другой, дорожит он сердечным доверием и дружбой, желая «жизнь прожить — любовь не расплакаться».

Напоминая сверстникам о том, какой ценой было завоевано их счастье, поэт призывает молодежь просверять себя трудом, не размениваться на пустяки, жить целесообразно. С волевым говорит он об этом в стихотворении «Лавное», где запечатлен образ нашего современника, молодого рабочего, живущего прежде всего интересами своей страны.

Молодого поэта занимают не только воспоминания о минувшей войне. Его волнуют и красоты родного края и романтика путешествия. Лучший стихотворец Левина убеждает, что он умеет видеть живые глаза художника, умеет находить яркие и точные краски. Вот город, умятый «слезостепным» проливом, садом, на улицах которого «обойко торгуют сиренью старухи в цветастых платках». А вот «сморз над городом застыл, в оконные вращая рамы неповторимых хвостов».

Для Левина живопись словом не самоцель. Образы у него, как правило, наполнены чувством и мыслью. Однако порой поэт окладывается на «кареском мелководье», увлекается внешним описанием. Такова, например, осенняя зарисовка: дворянн жмется листу ва буйваре, и личицей с достоинством жертвенно гибнет».

Прославляют в книге Романа Левина и подражательные нотки. Но чужие интонации — это неизбежные трудности роста. Для молодого поэта, уже вышедшего на свою поэтическую дорогу, эти трудности вполне преодолимы.

Сем. НИКОЛАЕВ

Фото Г. Ворникова.

Из готовых «норобок» монтируется жилой дом.

В основной мастерской № 2 по проектированию экспериментальных жилых домов, строящихся из объемных элементов. Его создали инженеры и архитекторы в содружестве с работниками научно-исследовательских институтов.

—Во дворе Моссовета установлен необычный сооружение, похожее на производственную «норобку». Руководитель группы архитекторов Николай Исаков. Выпущенный свет заливает небольшую прихожую. Мы проходим в комнату. Все выглядит предельно просто и очень уютно. Совершенно гладкие потолки, лицевые выступы, плинтусы, лепных украшений: «дешевые все эти излишества», доносят нам, тем не менее, собираются пилы, тем чище в комнате.

—А где же отопление? — спрашиваем мы. — Или оно будет проведено позже?

Нет, квартира совершенно закончена, — говорит Н. И. Исаков. — Отопительная и вентиляционная системы спрятаны внутри стен. Это очень уютно. А теперь посмотрим кухню, — приглашает Николай Исаков.

Он отодвигает занавес у одной из стен, и перед нами предстают атрибуты кухни: столик для приготовления пищи, холодильный, газовая плита, шкафы для посуды.

Из кухни-столовой дверь ведет на балкон. Для удобства хозяйки здесь предусмотрены встроенные шкафы, отидные стелжи, приспособление для сушки белья, цветочницы.

Как и говорить, жить в такой квартире будет удобно и приятно. В чем его преимущество? В индустриальном способе возведения зданий лишь незначительно повышается затраты, приходится на заводе, где изготовлены сборные конструкции.

Большая же часть трудоемких работ выполняется на строительных площадках. Поэтому не случайно в докладе на XXI съезде ИПСС товарищ Н. С. Хрущев поставил задачу: превратить строительное производство в механизированный поточный процесс сборки и монтажа зданий и сооружений из крупногабаритных элементов и узлов, изготовляемых на заводах. Строительство жилых домов из объемных элементов полностью отвечает этому требованию. До сих пор наиболее выгодным считался метод сооружения жилых домов из керамзитобетонных, прутчатых и массивных панелей, при котором трудовые затраты на заводе составляли 21—25 процентов. Теперь же, при новом методе сооружения домов из объемных элементов, на завод будет перенесено 82 процента всех трудовых затрат.

Проект, созданный в мастерской № 2, предусматривает строительство четырехэтажного жилого здания, в котором будет 8 однокомнатных, 32 двухкомнатных и 8 трехкомнатных квартир общей жилой площадью 1 379,2 квадратных метра.

Объемный элемент «нороба» — совершенно законченная часть жилого дома, которая целиком изготавливается на заводе. Она может состоять либо из двух жилых комнат, либо из одной жилой комнаты, кухни и санузла, либо из лестничной клетки, кухни и санузла.

Но не перевести готовую квартиру весом в 12—18 тонн с завода на строительную площадку? Министру Мосстройки Ф. Федорову Ефимовичу Ипполитову пришлось решать подобные задачи в 1957 году, он сиюминутно поручил полиции для транспортировки панелей. Правда, тогда задача была сложнее, предстояло смонтировать полуплицей для перевоза на четыре, тем не менее, через несколько месяцев Ф. Е. Ипполитов передал готовые чертежи

Комнаты радуют изяществом и красотой отделки.

и рабочие эскизы трайера — своеобразного домовоза — ремонтно-механическому заводу Главмосстрой.

Работа над проектом домовоза, конструктор предусмотрел все. Габариты трайлера и радиусы его поворота соответствуют нормам Госавтоинспекции; это позволяет перевозить объемные элементы по магистралям города в любое время дня и ночи.

Для жилого дома из объемных элементов нужен не совсем обычный фундамент. Весь фундамент состоит из железобетонных балясов го-образного типа. Они укладываются в углубления, подготовленные буровой машиной. К стойкам балясов крепятся панели.

После установки и соединения стальных панелей укладывают коммуникации, устраняют входы, а затем приступают к монтажу объемных элементов.

Для того чтобы поднять квартиру с трайлера и установить ее на место, спроектирован специальный порталный кран грузоподъемностью 20 тонн. Обычные краны, которые мы привыкли видеть на строительных площадках, непригодны, так как грузоподъемности их не превышает 5 тонн.

Как же монтируются дома? Трайлер — очередной «норобок» — выезжает на строительную площадку и останавливается под краном. «Нороба», закрепленная тросами, снимается с трайлера. Машина отъезжает за следующие объемным элементом, а кран опускает «норобку» на свое место, рядом с другой, уже установленной. Между стенами объемных элементов остается небольшие воздушные пространства, которые служат хорошей звукоизоляцией.

Цена установки одного элемента — два часа. При таких темпах четырехэтажный жилой дом при двухсменной работе будет монтироваться за десять дней.

Ю. ЕФРЕМОВА

РОЖДЕНИЕ НОВОГО ВИДА БОРЬБЫ

Самбо — «САМозащита Без Оружия».

История возникновения этого своеобразного вида самообороны довольно интересна. У разных народов с древнейших времен существуют различные виды национальной борьбы. Только в нашей стране их насчитывается более двадцати пяти. Наиболее популярны они в Закавказье, Средней Азии и Сибири. Ни один праздник в Башкирии не обходится, например, без состязаний борцов на кушаках. В Якутии распространена борьба «халсагаи», в Грузии — силовой поединки «чидобао», отличающийся стремительным темпом. А в Азербайджане молодежь увлекается борьбой «голема», в Татарии — «куреше».

В тридцатых годах советские спортсмены решили создать борьбу, которая включала бы в себя лучшие приемы из богатейшего арсенала национальных видов и в то же время давала бы возможность борцам различных национальностей встречаться в спортивных соревнованиях. Так родился новый вид спортивной борьбы — самбо.

НАДЕЖНЫЙ ПОМОЩНИК

Новая борьба оказалась прекрасным средством физического совершенствования, развития силы и ловкости. Об этом можно судить по многочисленным фактам.

Двадцатилетним юношей пришел на флот Анатолий Рошин. С детства он мечтал о морской службе. И вот настал день первого похода в открытом море. Но что это? Молодой моряк победил

ная, у него закружилась голова. Подошедший боксман сразу определил: морская болезнь.

Горько было Анатолию: рушились заветные мечты. На выручку юные пришел тот же боксман, посоветовавший заняться спортом. Как раз в это время на корабле была организована секция самбистов. Рошин увлекся борьбой, и вскоре ника перестала его мучить. Закала, полученная в результате тренировки, помогла Анатолию добиться немалых успехов и по службе и в спорте. Впоследствии Рошин стал чемпионом Ленинградской области по самбо, а затем завоевал почетный титул чемпиона страны.

Почетнейшая судьба и Евгения Чумакова. До Великой Отечественной войны он успешно выступал в крупнейших соревнованиях. В срок первым году Чумаков ушел на фронт. В одном из боев спортсмен был тяжело ранен. Но Евгений не стал инвалидом. Превозмогая слабость, он возобновил спортивные тренировки. Поначалу было нелегко, но закалка, мужественный характер, крепкий организм победили последствия ранения. Вскоре Чумаков снова вышел на ковер и в упорных поединках вернул себе звание чемпиона Советского Союза.

А сколько подвогов совершили борцы-самбисты на фронте, при охране государственных границ нашей Родины, оберегая безопасность и жизнь советских людей!

В ЧЕМ «СЕКРЕТЫ» САМБО

Надо прямо сказать, что никакие секреты в этой борьбе нет. Каждый может овладеть «танцами самбо». Нужно только упорно и настойчиво тренироваться.

Борец-самбист прежде всего должен быть хорошо и разносторонне подготовленным физически. Недаром такие известные мастера самбо, как И. Латышев, А. Пилат, Н. Подшибиник, Н. Стафев, успешно выступают в соревнованиях и по другим видам спорта.

В разносторонней общей физической подготовке одно из достоинств самбо по сравнению с широко известной японской борьбой дзю-до. Это единственно признанная подготовка в нашей стране японские, венгерские и швейцарские борцы. Один из опытных японских дзюдоистов, Кодема, восхищаясь подлинно атлетическим характером самбо.

В матчах встреч с сильнейшими дзюдоистами Венгерской Народной Республики, проводивших по согласованным правилам, наши самбисты одержали блестящую победу, не потеряв ни одного поединка. В сбалансированные приемы дзю-до — удающиеся захваты, которых нет в самбо, — не помогли венгерским борцам.

Успехи советских самбистов являются не только результатом тренировок. К спортивному-самбисту предъявляются более высокие требования, чем в дзю-до. Если по правилам японской борьбы для победы требуется провести всего один бросок или один из приемов, то в самбо необходимо бросить противника так, чтобы самому остаться «на ногах». Если же это не удается сделать, то надо провести не менее трех приемов, а заставить противника садиться, применяя болевой прием. Кроме того, в дзю-до не применяются такие мощные приемы, как броски с захватом ног и различные подброски. В самбо эти приемы, поперечные из разных видов народной борьбы, занимают значительное место. Несомненным достоинством нашей борьбы является и то, что спортсмены разделены в ней на весовые категории: это повышает ее спортивную ценность. За двадцать лет своего существования самбо завоевало большую популярность у юношей. Им увлекаются сейчас десятки тысяч спортсменов. Только в отборочных соревнованиях чемпионата страны нынешнего года участвовало около десяти тысяч борцов.

Важно отметить и другое. Если прежде самбисты высокого класса воспитывались преимущественно в обществе «Динамо», то сейчас опытные борцы выступают под различными подгруппами «Буревиканки», «Труда», ЦСК МО и других физкультурных организаций. Особенно «прижились» самбо в студенческом спортивном обществе. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в настоящее время разгнанных золотых чемпионов медалей на последнем первенстве СССР шесть достались борцам «буревиканки».

Самбо с каждым годом становится все популярней в нашей стране. Все больше и больше юношей начинают увлекаться им. Задача состоит в том, чтобы число самбистов продолжало расти, чтобы в каждом спортивном коллективе была создана секция самбо.

И. ВАСИЛЬЕВ

Критика и библиография

Поэзия морской стихии

Книга стихов Николая Букнина «Мы вышли в открытое море», выпущенная Воениздатом, быстро завоевала себе популярность. Особенно полюбилась она военным морякам. Это и понятно. Ведь автор — бывший человек, прошедший суровую военную школу. С 1940 года он служит на флоте и прочно связал с морем свою боковую и творческую судьбу. Стихи Николая Букнина — это правда о воинской доблести, мужестве, отваге, о людях в черных шинелях и тельняшках, под которыми бьются благородные и горячие сердца.

Витязи в бесхитростные и задумчивые строки сборника, чувствуешь, как беззаветно любят поэт Родину, службу, море. Очень четко и просто определяется его свое название и место в жизни, в боевом строю.

Я на вахте стою. И пушай вдалеке
Собирается снова ненасть.
Я на вахте стою, и бегает
Солнце Родины, славы и счастья.

Николай Букнин много плавал на кораблях, жил среди вояков легендарного полустроива Рыбачего, прошел большой путь от рядового до полковника. Поэтому

он хорошо знает то, о чем пишет. Скуляки на первый взгляд, но обязательно точными, уверенными мазками по рисунку картин жизни и боевой службы моряков.

В стихотворении «К берегам Британии», «На Спитхедском рейде», «У моста Ватерлоо и яде» других Н. Букнин делится своими впечатлениями, связанными с южнским визитам наших кораблей в зарубежные страны. Взапно и проникновенно говорит он о дружбе советских вояков с людьми из других стран.

Специальный раздел книжки — «Поет баян матросский» — посвящен песенникам, танцорам, чтецам военной страды. Здесь каждый из них может выбрать по душе и стихотворение, и песню, и веселую частушку.

Ой, песни, ты, песни,
Сладкие, не ты,
Ну что есть на свете милее и краше,
Чем ты, дорогая подруга моя!

Стихи Н. Букнина ползают большой теплотой, неподдельной искренностью, а иногда даже, казалось бы, декларативные, не слишком оригинальные строки, характерные для некоторых стихотворений сборника, все-таки волнуют и убеждают читателя.

В походах находим мы счастье
Искренностью, а не декларацией,
И мужеством учимся на корабле.
Топить в чуждой спортивной поваре,
Чтоб людям сполнойной жизнью
на земле.

Пожелаем же талантливым поэту новых творческих удач.

В. КРУГЛОВ

СТАРТ И ФИНИШ

Юмореска

Наступление весны колок «Новая жизнь» ознаменовал открытием собственного стадиона. На торжестве решили пригласить из Кишинева «одного — двух видных спортсменов», послали телеграмму. Вскоре пришел ответ: «Дню согласие участвовать колхозной спартакиаде так Грозу встретит чл. Леонглатко Игорь Гроза».

Встретить Грозу на станции вызвался пятидесятитрилетний почтальон из зятятый большевик колхозных соревнований Вани Чебан. Хотя мать наказала ему сидеть дома с маленькими братишками, он запер их в горнице и за час до прихода поезда был уже на перроне. Грозу Ваня признал сразу. Высокий плечистый парень в спортивной тулупке и узких зеленых брюках спиритизма прямо с верхней ступеньки вагона, небрежно помахав чехомоданчиком и крикнув выслушавшейся из окна девчухе:

— Если приз будет подходящий, скажите, что он ваш!

Парень скептически оглядел представлявшегося Ваню:

— Ты и есть встречающаяся дежата? Ну что ж, будем знакомиться... Фамилия моя Гроза! Поинты?

— Понято, — сказал Ваня, уже начиная переживать за колхозных спортсменов, которые возмуть завтра старт рядом с этой знаменитостью. — Скажите, а вы многоборец? — спросил он, разглядывая значки пловца, бегуна, теннисиста и борца, украшавшие грудь приезжего.

— Моя специальность пять тысь! Но у колхозных спортсменов можно сорвать финиш и на спринте, и на средних, и в прыжках. Прины-то приличные?

— Правление дало тысяч рублей выделю, — сообщил Ваня,

проникаясь все большим уважением к приезжему. — За бег — фотоаппарат «Зоркий-2», за прыжки и высоту и с разбега — тоже «Зоркий-2»...

— Оплать фотоаппараты! Никакой фантазии у вашего правления! — прибавил Гроза и так взглянув на свой чехомоданчик, что Ваня понял: все фотоаппараты уедут в Кишинев.

— А вы не смогли бы отказаться от призывов в данию? — спросил он, робко.

— Это почему же?

— А у нас дальше всех прыгает мой старший братишка. Ему очень хочется иметь фотоаппарат.

— Ну нет! Урожай, как говорится, надо собирать без потерь. Ваня вздохнул.

— А вы не можете, — начал было он и вдруг с криком: «Ой, ой, положите!» — пустился наперез автобусу. Но было уже поздно. Автобус фыркнул и промчался мимо. Ваня чуть не заплакал. — Следующий целый час ждаль надо, а у меня через полчаса мать с фермы придет домой. Ох, и достанется мне! Я маленьких братьев одних оставил. Давайте побегать, товарищ Гроза. Всего шесть километров.

Приезжий окинул взглядом парнишку.

— Ну что ж! Позволим себе маленькую разминку.

Он вынул из чехомодана тапочки с шипами, переобулся и, шутливо скомандовав «на старт», побежал, энергично работая локтями.

— Да, можно было б хорошее время завтра у вас показать, но для этого надо, чтобы на плечах стайера все время кто-нибудь висел. А кому у вас на моих плечах висеть? — бросил он на бегу Ване.

Рисунок
Е. Ведерникова.

— На ваших плечах у нас висеть некому! — соглашался Ваня.

— Вот именно! А ты знаешь, на чем ставится рекорды? На самолюбии! Когда уже кажется, что нет сил, но чувствуешь на своей щеке дыхание соперника, тут самолюбие — все! На нем одном и бежишь! Все рекорды на самолюбии поставлены.

Они пробежали с километр. К удивлению Грозы, Ваня не просил сбавить темп. Гроза надал немного и загорел о дахлинн. — Главное, свободно дышать! — учил он, не оглядываясь. — Кто умеет дышать, тот побеждает!

Пробежали еще с полкилометра. Не чувствуя на своей щеке дыхания немного и, набрав полные легкие воздуха, крикнул вагонку: — Чехомодан... брось! Чехомодан... брось!

Еще с полкилометра Гроза бежал, подавляя в себе желание отгнаться.

— Дяденька, — раздался голос Вани, — сколько времени на ваших часах?

— Без десяти час, а что?

— Если дождем к четверти второго, не попадет мне от матери.

«Не отстанет, чертенок, хоть бы что!» — подумал приезжий. Самолюбие его было задето, он чуть-чуть прибавил скорости. И тут же почувствовал, что не следовало этого делать. Дыхание сразу сбилось, на ноги будто кто пошел гирь. Испытанный чехомоданчик с каждой минутой становился все тяжелее. Несколько раз Гроза хотел сбавить темп, но, ощущая на своей щеке дыхание Вани, продолжал бежать по-прежнему.

«Не смеется ли уж он надо мной? Еще этого не доставало!» — подумал Гроза, напрягая все силы, чтобы сохранить темп. В это время Ваня поворачивался к нему.

— Я по этой дороге часто бегу с почтой, а девять автобусные колю на такие спортсники, как у вас. Давайте-ка сюда чехомоданчик, а то, и вижу, он вам мешает работать локтями. — Мальчишка взял у Грозы чехомодан, и босые пятки его замелькали перед глазами именного гостя.

Гроза крепился, стараясь ни о чем не думать, — только бы не отстать от этих пятки. Потом резко отвалил.

— Погоди! Эй, погоди! — крикнул он. — Мозоль лопнула. Давай передохнуть!

— Некогда, дяденька, мамка вот-вот придет! — прокричал Ваня, не останавливаясь.

Гроза перешел на шаг, отдался немного и, набрав полные легкие воздуха, крикнул вагонку: — Чехомодан... брось! Чехомодан... брось!

Но Ваня уже скрылся за поворотом.

Солнечный гость так и не прибыл на открытие стадиона. Рассказу Вани Чебана о том, что Гроза приехал и уже был на пути к ним в колхоз, но отстал и куда-то исчез, никто, конечно, не поверил. Однако налицо были несомненные доказательства: шельговской чехомоданчик и в нем новая фасонистая пара плуботников с толстыми каучуковыми подошвами.

г. Кишинев,

В. СУБОТИН

Спортивные шутки

Бойцы вспоминают минувшие дни...

Рис. И. Тюкавина.

Гоня за лидером.

Рис. И. Тюкавина.

«Команды продемонстрировали виртуозную игру головой».

Рис. М. Трахмана.

Больельщик.

Рис. Г. Кованова и В. Петрова.

VI ВИКТОРИНА

(Продолжение.)

См. «Смену» №№ 4, 5, 6, 9 и 10

1. Кто из великих писателей принадлежит высказыванию: «Важно дожить, не выпрыгнуть, а интересной комбинацией». Шахматы — прекрасное развлечение; за игры мы отдыхаем от работы и забываем о всех невзгодах?

2. Кто из великих людей прошлого столетия в одном из своих писем и жене написал следующие строки: «Важно, душа моя, что в шахматы учишься, это непременно нужно по всякому благоустроенному семейству; доноску подаст...»?

3. Вы видите на доске прямо-таки фантастическую позицию.

Ход белых. Каков должен быть, по вашему мнению, последний ход этого сражения?

4. Назовите режиссера нашумевшего свое время кинофильма «Шахматная горячка» и некоторых исполнителей главных ролей.

5. В партии одного знаменитого шахматиста создавалась редкость оригинальной позиции.

Противник играл черными и неожиданно попал, что его король надвоем спрятался за белыми пешками. И действительно, трудно было проглядеть это черное королью. Но гротескнейшее все же случилось наряду.

«тайные пружины» позиции и красивой комбинацией, с обилием жертв добился полной победы. Не видите ли вы эту замечательную комбинацию и не сообщите ли нам имя ее автора?

6. Известно, каким страстным поклонником шахмат был великий польский поэт Адам Мицкевич. В его творчестве встречается немало шахматных образов. Укажите хотя бы одно такое стихотворение Мицкевича.

7. В чем состоит основное, принципиальное отличие шахмат от спорта, подчеркивающее в то же время неотъемлемую сущность шахматных искусств?

8. Каков полководец был белым любителем шахмат и, obviously играя белыми, начал свой партию ходом: «королевского короля, 1. К g1 — f3»?

Этот, который мы предлагаем вниманию читателей, постинне является украинским творчеством одного шахматного композитора:

Белые начинают и делают ничью.

Назовите фамилию автора и сообщите решение этого тупого, но гениального, удюлен первого приза на Всемирном конгрессе шахмат «Франка» в 1957 году.

10. Сколько в Советском Союзе шахматных гротескмейстеров? Не назовете ли вы трех старейших из них и трех самых новых?

11. В 1851 году, во время Третьей всемирной промышленной выставки, в столице Англии состоялся первый в истории шахматных официальных турнир. Какие русские шахматисты мастера были приглашены на Лондонский турнир, но, к сожалению, не смогли выступить, в этом интересном состязании?

12. Когда впервые проходил в Москве матч на первенство мира по шахматам и кто в нем участвовал?

13. Кто первым из русских шахматистов демонстративно свое искусство на международном турнире в Союзных Штатах Америки и когда состоялся этот турнир?

14. Кто завоевал в этом году звание чемпиона Советского Союза по шахматам среди юношей и кто стал чемпионом страны среди девушек?

15. Какие ответы на все вопросы викторины предлагается выписать и подсчитать 20 баллов. Сроп прислать писем по адресу: «Смена», отдел культуры, ул. Октябрьской, 31 — 31 июля, сего года.

Мастер В. ЛЮБИНСКИЙ

ЗВЕРОВОДЫ-ЛЮБИТЕЛИ

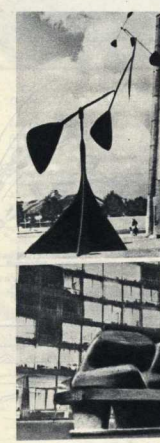
Комсомолка Галина Кувалдина работает социальным воспитателем в детском комсомольно-инженерном комбинате «Советская Грузия». Но у переводчицы работы есть еще одна «профессия»: она увлекается звероводством. В свободное время Галл разводит куртин — зверьков, из шкур которых выделываются ценные сорта меха.

По примеру Кувалдиной работники многих предприятий Тбилиси занимаются теперь звероводством.

Г. АВАКОВ г. Тбилиси.

На с ним и к: Галина Кувалдина — одним из своих питомцев.

ГРИМАСЫ ИСКУССТВА

Вы, вероятно, думаете, что устройство, которое вы видите, — это детская мелница или новейший метеорологический прибор. Ошибаетесь. Перед вами самая большая в Европе стальная вращающаяся скульптура «Спираль» американца Александра Мольера. Она тоже призвана украсить Дом ЮНЕСКО.

Высота скульптуры — 9,6 метра, вес — около двух тонн. Ее «спираль» вращаются при ветре.

Не означаете, догадаться, что означает это «спиральное» скульптурное украшение?

Перед вами шестидесятилетняя статуя английского скульптора Генри Мура «Полулежащая фигура», установленная у нового Дома ЮНЕСКО в Париже.

Первая страница обложки: Идет концерт. Выступают домработни — участницы художественной самодеятельности Динковского Дома пионеров (Поттсдамская область). Фото М. Муравова.

Четвертая страница обложки: Никонцов прибыл в пункт назначения. Фото М. Муравова.

КРОССВОРД

Составил Я. Недвиный.

По горизонтали:

7. Героиня французского народа, участница движения Сопротивления, в Герой романа Ж. Кустера «Человек, что делать?».

11. Советская плавучая подводная лаборатория.

12. Африканский антилопа.

13. Персонаж комедии Мольера «Плутни Скапена».

15. Индийский писатель и общественный деятель, награжденный Международной премией мира.

17. Основательница американской национальной школы многоголосной музыки.

18. Кургуль, знаменитый металлургия в Чехославонии.

19. Французский писатель-реалист.

22. Расказ А. П. Чехова.

24. Засухоустойчивое дерево.

26. Оперы Ветковского.

27. Советское кинорежиссерское творчество без рифмы в японской лирической поэзии.

32. Гидроэлектрическое сооружение.

34. Река, составляющая часть Волго-Волжского пути.

36. Широко распространенный минерал.

38. Певец, народный артист СССР.

40. Пресноводная рыба.

41. Вид сисетной машины.

42. Горная система в Афганистане.

43. Витаминное растение.

По вертикали:

1. Французский революционный виртуоз.

2. Итальянский Центрального района в Северной Испании.

4. Тип гробовой шлюпки.

5. Устройство для провоза, народный артист СССР.

6. Форма учебных занятий.

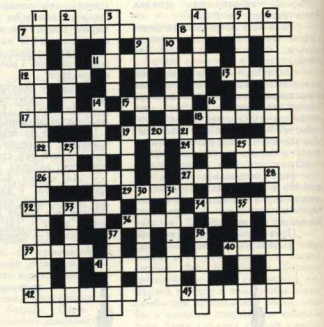
10. Герой произведения В. Горькова «Мое поколение».

14. Струнный инструмент.

16. Художественный фильм о людях искусства.

18. Вид духовой деревянный музыкальный инструмент.

20. Город Обединенной Арабской Республики, где с помощью

Советского Возода выдвинула плантация. Антица семейства стреловидных.

23. Река, выходящая в Аральское море.

25. Профсоюзная организация.

28. Участник тайной революционной организации в Италии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД НАПЕЧАТАННЫЕ В № 9

По горизонтали:

5. «Летопись».

11. Ламинария.

12. «Ундина».

13. Вискоза.

15. Навик.

17. Кокль.

18. Веснии.

19. Сиория.

21. Янисон.

22. Гитар.

23. Токата.

28. Пресса.

29. Триоль.

30. Кинлукт.

37. Карлава.

38. «Старик».

По вертикали:

1. Агадир.

2. Роллан.

3. Оселья.

4. Отускут.

7. Зеньков.

8. Миклош.

9. Галчек.

10. Латинья.

14. Клинопись.

16. Резерфорд.

19. Сатурн.

20. Алина.

23. Баркуни.

24. Амширбай.

25. Нестер.

26. Меленский.

31. Орнота.

32. Отромк.

33. Старт.

34. Жермон.

Редакция: Г. Гумя, Е. Домогосовский, Н. Жуков, И. Зенов, М. Лукин.

Технический редактор О. Шванов.

Главный редактор М. А. Величко.

Рускинос не возвращаются.

Оформление С. Спасского.

Адрес РЕДАКЦИИ: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля. 28. ТЕЛЕФОНЫ: Секретариат — Д 3-34-24. Отделы — рабочей молодежи, литературы и искусства — Д 3-31-68, студенческой молодежи — Д 3-35-24, очерка и публицистики, физкультуры и спорта, информации — Д 3-36-90, писем — Д 3-31-69, оформления, иллюстраций — Д 3-34-22.

А 03796. Подписано к печати 5/VI 1959 г. Тираж 450 000 экз. Изд. № 1001. Заказ № 1264. Формат бумаги 70X108%. 1,75 сум. л.—4,8 печ. л. Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ВОПРОС

ПЬЕСА

Действующие лица: тетя Маша.
Ведущие лица: Колокольчиков, Демосфе-
нов.

АКТ ПЕРВЫЙ

Аудитория физиологического факультета. Душно. Людям Члены бюро Активисты. Инструкторы-общественники Любопытные.

Колокольчиков. Товарищи, мы собрались с вами, чтобы обсудить генеральный вопрос — о переходе на самообслуживание...
Голова. Чего обсудить? Переходить — и все. Гарде-

робщины, уборщики, охранники — зайти? студента! Колокольчиков. Товарищи, имеются трудности. Мы решили провести предельно небольшую инструкторам. Слово предоставляется старшей уборщице факультета Марии Ивановне. (Тетя Маша взбирается на кафедру, Колокольчиков подает ей наглядные пособия: вееник, щетку, совок, урну.)

Тетя Маша (деловым тоном). Вот, скажем, вееник.левой рукой берешь за совок...

АКТ ВТОРОЙ

Там же. Т е ж е.

Колокольчиков. Надеюсь, — общественники-инструкторы повлияли, представление о способах уборки. Парадней и теоретической части. (На кафедре появляется аспирант Демосфенов.)

Демосфенов. Самообслуживание в зачаточной форме возникло давно. Построена общественная пещера и наведя в ней порядок, люди, тем самым... (Легкое беспорядочество в зале.)

АКТ ТРЕТИЙ

Та же аудитория. Она пуста.

Полумрак. Сильный дым.

Тетя Маша (отрывается от старости лет. На кафедру пригласили... «берешь, знаешь, левой рукой за совок...» (Подмигивает.) Окуривают-то, сердечные. Вопрос решали. Вот они, протоколы. (Подбирает бумаги.) Тринадцать листовочек. Сильный дым, говорит, обслуживать будем. Это хорошо...
Зависает.

В. СМЕРНОВ

Страница «Детля» подготовлена студентами философских вузов: В. Косовым, В. Кузнецовым, В. Александровым, М. Роговым, Ю. Рязановым, Д. Устиновым, В. Хомовым.

Цена номера
2 руб.

